

Застеколье

Автор:

Евгений Шалашов

Застеколье

Евгений Васильевич Шалашов

Цитадели #2

Наконец-то становится известно, кто и зачем угрожает нашему миру главный герой вместе с соратниками вступает в борьбу с мировым злом.

Евгений Шалашов

Цитадели. Книга вторая. Крысы в подземелье

Глава первая.

Свой среди своих...

У меня много достоинств. Иногда думаю, что я просто из них соткан. Но приходится замечать и недостатки – если составлять список, на первом месте будет стоять топографический кретинизм. Сегодня я лишний раз в этом убедился, когда обнаружил, что из Застеколья меня вынесло не туда, куда хотел. Нацеливался попасть в родной город Че., а попал... Нет, не в болото и не в волчью яму, а это уже хорошо. Судя по табличке с надписью «Ордынка», вынесло в столицу нашей родины – напротив кафе с очаровательным названием «Му-му».

Москвичи, суетливо бегущие по своим московским делам, деловые гастербайтеры и гости столицы, не заметили появления человека из ниоткуда. Даже бабуля, торговавшая занесенными в Красную книгу ландышами, только чихнула, а в ответ на мое пожелание здравствовать, ответила: «Мужик, свали отсюда, мешаешь!» Из живых существ, отметивших странное колебание воздуха, была лишь скромная козочка, которую держал на поводке взъерошенный дед в камуфляже. Рогатая москвичка нервно пристукнула копытом и что-то проблеяла. Что именно, я не понял, так как слабое знание иностранных языков шло в моем списке недостатков под номером два. «Камуфлированный» дедок, обдавая «выхлопом» какой-то дряни, кивнул на свое пузо, прикрытое звенящей сумкой с многозначительной надписью: «Подайте бедной скотине на пропитание!»

– Кому именно? – не удержался я, вытащив бумажку в пятьсот рублей. Дедок, смерив меня взглядом, открыл рот, чтобы послать куда-нибудь, но оценив достоинство купюры, проворчал:

– Если б себе, так бы и написал – подайте на пропой! А рогатой скотине, кушать хочется...

– С тобой делится? – спросил я, вкладывая ему в руку бумажку.

– Приходится... – повеселел дед. – Я доволен, так и Наташка сыта.

– Это – персонально для «барышни», – присовокупил я еще одну бумажку, от чего дед возликовал. В принципе, в обычное время я разорился бы на десятку, ну, на сотню, не больше. Но Ярослав, провожая на «Большую землю», вручил мне такой толстый кошелек, что сделать ему «кровопускание» было даже полезно. Видимо, соскучившись по шопингу, я шел и покупал всякую дрянь. Вот, что я буду делать с брелоком в форме ракушки, если у меня и ключей-то нет? А зачем мне нужен план Московского метрополитена, если он висит в каждом вагоне?

Не удержавшись, зашел в то самое «Му-Му», заказал порцию блинчиков и кофе. Посидел, подумал и понял, чего же мне не хватало в Застеколье. Конечно, здоровый образ жизни, нетронутая экология и прочее... Но как иной раз не хватало обычной горячей воды из-под крана! Словом, цивилизации. Крепости-цитадели-бои и прочая романтика – штука неплохая. Подгоревшая каша на костре – вкусно. Но, как хотелось сесть за обычный столик в кафе, взять

вилку в левую, а нож в правую руку (а потом, осознавая, что правила хорошего тона писаны не для меня, перехватить столовые принадлежности не так, как предписывает этикет, а как мне удобно) и неспешно жевать, поглядывая на огромный экран телевизора, прислушиваясь краем уха к разговорам, завистливо думая: «Живут же люди! Никаких им приключений, ни на голову, ни ниже...» Другое дело, что я прекрасно осознавал, что после всего, что случилось, жить простой жизнью уже не смогу. Я шел по Ордынке, тихонько шалея от людей, от которых успел изрядно отвыкнуть, раздумывая: коль забрался в эти места, так не сходить ли мне в «третьяковку»? Давно собирался посмотреть на портрет Пушкина работы Кипренского – сто и один раз видел его в репродукциях, но хотелось «вживую». Почему именно Кипренского, а не Шишкина с Верещагиным, так и не понял. Потому, вместо картинной галереи зашел в ближайший магазин и приобрел телефон и симку. А нужные номера я с некоторых пор мог держать в памяти.

– Олег Васильевич? – услышал я голос своего куратора, хотя сам еще не произнес ни слова. – Ты в Москве? Подъезжай. Диктую...

Когда я появился перед Унгерном, он еще договаривал – «Улица Зои и Шуры... рядом с общагой Академии... офис...».

– Здравия желаю, товарищ генерал! – отрапортовал я.

Унгерн, оторопело посмотрел на меня, потом – на телефон в руке и нервно сглотнул. К счастью, люди с расстроенными нервами и слабым сердцем до высоких званий не доживают.

– Предупреждать надо, – сухо сказал генерал.

– Извините, Виктор Витальевич, – сконфуженно выговорил я.

Вот – честно, не хотел, чтобы так внезапно. Изначально собирался идти до ближайшей станции метро, а уж потом пересечь на что-нибудь подходящее. Сам не ожидал у себя подобных талантов. Можно бы радоваться, но, при здравом разуме, неумение управлять собой, в следующий раз можно очутиться где-нибудь в Катманду или в Антарктиде.

– Ладно, – махнул рукой генерал и, предложил традиционное: – Кофе?

Думал, сейчас он полезет за кипятивником, банкой «Нескафе» и неизменными одноразовыми чашками. Ан, нет. Москва, понимаете ли! Унгерн нажал кнопку под столешницей и в кабинет вошла секретарша. Как и положено, деловой костюм – мини-юбка, секси-блузка, каблучки-шпильки и ноги от коренных зубов. Завидев в кабинете чужака, девушка непроизвольно встала в стойку. Получилось похуже, чем у Насти из «Белкиной крепости», но вполне профессионально. Поработайте десять лет учителем школы, сотрудничающей с Центром боевых искусств – научитесь отличать «дзэнкуцу-дати» от «камае». У нас таких девочек после выпускного «разбирали» либо физвузы, либо школы телохранителей. Говорят, нынче модно иметь охранника в юбке. Все думают, что это просто секретарша (или – «просто...»), а она – пяткой в челюсть.

– Свои! – предупредил Унгерн. Прозвучало как «Фу!».

– Идете в ногу со временем, – одобрил я, оценив экстерьер девушки.

– Это, дорогой мой, не я, а ты идешь, – усмехнулся Унгерн. – Мне секретарша по штату не положена.

– В смысле? – не понял я.

– В том смысле, дорогой мой, что это твоя ... ваша секретарша. Зовут Ксения. Все вопросы технического характера – с ней. А самой Ксении начальство уже должно быть известно. Так?

– Здравствуйте, Олег Васильевич. Извините, не ожидала, что вы уже здесь... – виновато улыбнулась секретарша-телохранитель и добавила: – А мы с вами давно знакомы.

– Ксюша Неволлина, – констатировал я. – Выпуск две тысяча третьего года. Или – четвертого... Обижалась, если тебя Ксюхой называли. Кажется, поступила в «Лесгафта».

– Она самая, – тряхнула волосами Ксюха. – А разве вы меня помните?

– Тебя разве забудешь? – многозначительно протянул я, а девчонка расцвела от счастья.

Не буду же говорить, что помню всех своих выпускников? Даже спустя много лет, встречая на улице дяденек-тетенок, все равно, «своего» узнаю. – Вот ведь... – хмыкнул генерал, как бы в досаде. – Лопухнулся я, однако. Ведь думал же, когда личное дело смотрел. Земляки – это я понял, а на номер школы и внимания не обратил...

Ай-ай-ай... Чтобы генерал-майор государственной безопасности, да не обратил внимание на такой очевидный факт? Ну, не смешите меня! – Вот, видите как здорово. Девушка красивая, да еще и бывшая ученица. А у меня в приемной мордovorот сидит, с лейтенантскими погонами, – посетовал генерал.

– А у Ксении, сколько звездочек? – поинтересовался я, как бы, между прочем. – Не меньше четырех? Хотя, нет... – прикинул я, соотнеся возраст, время учебы в вузе, плюс какие-нибудь «спецкурсы». – Капитаном ей еще рано. Ксюшка, ты кто у нас будешь? Старший лейтенант. Угадал?

Ксюха стрельнула глазками в Унгерна, промолчала, но опять-таки произвольно вытянула руки по швам.

– Угадал-угадал, Олег Васильевич, – благожелательно отозвался генерал. – Старлей на майорской должности. Ладно, Ксения, начальнику я тебя представил. Можешь заняться своими делами. А вы кофе хотели, Олег Васильевич. Распоряжайтесь.

– А кофе есть? – поинтересовался я.

– У нас, как в Греции – всё есть! – хохотнул генерал. – Верно, Ксюшенька?

– Вы какой кофе предпочитаете? Есть растворимый. Могу сварить. Как скажете, то и будет. Можно – с коньяком.

– Понял, – кивнул я. – Тогда, давайте Ксения, как там по отчеству? Ивановна? Давайте Ксения Ивановна, два кофе – какое есть. Коньяк не надо. Мы с генералом поговорим, а уж потом и тобой пообщаемся. И школу вспомним и все остальное. Время будет.

– Хорошо, – кивнула Ксюха, а потом попросила: – Только, Олег Васильевич... Разве обязательно по имени-отчеству меня звать и на «вы»? И еще... Как Вы вошли?

– Потом, как-нибудь скажу, – ушел я от ответа. А чего отвечать, когда и сам не знаешь?

Я прошелся по своему первому в жизни кабинету. Раньше всегда приходилось что-то с кем-то делить, а тут – МОЙ! Не скажу, что он мне сильно понравился, но сказать обратное – язык не повернется. Сравнить не с чем. Стандартный кабинет со всеми атрибутами – письменным столом, ноутбуком, встроенными шкафами, креслами и портретом Президента на стене. Еще – несколько «глазков» видеокамер.

– Ну, апартаменты не слишком, – виновато хмыкнул генерал. – Так ведь и вы, товарищ полпред, тут особо и появляться не будете. Но – положено. Вы же когда уехали, даже не поинтересовались – что и как. Какая зарплата, премиальный фонд, квартира.

– И много мне чего положено? – живо заинтересовался я. – Так все льготы, по полному списку. Офис, служебная машина, квартира. Про дачу не знаю, врать не буду. Ну, Ксюша все растолкует. Штатное расписание нужно составлять. Сейчас там только три человека.

– Я сам, Ксюха... А кто третий? Неужто, вас ко мне замом определили? – догадался я.

– Не замом, а помощником, – строго поправил Унгерн. – Замом я быть не могу, так как по должности не положено. Да и не нужен вам зам. Чего тут замещать-то? Ну, офис-секретарша – это для блезиру. Есть машина. Хотя, водитель еще понадобится. Сами-то вы, небось, до сих пор водить не научились? Впрочем, за две недели не научитесь...

– А машина с «мигалкой»? – усмехнулся я.

– На «мигалку» нужно заявку писать в Управление делами. Сочтут нужным – выделят, а нет, я бессилён – развел руками Унгерн.

– А, на фиг мне мигалка. Будем считать, что если я секретный полпред, так и «мигалка» у меня секретная.

– Вот это правильно, – похвалил меня Унгерн. – Нынче борьба с «синими ведерками» идет, не стоит светиться. И так, когда тебя... Ничего, что я на «ты»? – не в первый раз обеспокоился генерал и, получив мой благосклонный кивок, продолжил: – Когда тебя полпредом назначили, такая подковерная грызня развернулась! Полянка, откуда ты в Застеколье уходил, она же на территории Северо-Западного округа. Стало быть, должна относиться к тамошнему ведению. Непорядок! Даже к помощнику Самого сунулись выяснять, потом и до Президента дошло.

– А потом? – заинтересовался я.

– А что потом? САМ лишь глянул косо, да приказал заменить всех кадровиков, кто «секретку» курировал. Больше вопросов ни у кого не было. Так что, ты есть полномочный представитель, со всеми вытекающими, а где ты Гаранта представляет – на земле, в небесах или в ином измерении – дело Гаранта и его преемника.

Вошла Ксюша с подносом и мы непроизвольно прервали разговор.

– Ксения, ты своему, виноват... нашему начальнику подготовь полный списочек его льгот и полномочий. Льготы – в соответствии с законодательством, а полномочия – в соответствии с реалиями.

– Ага, – рассеянно отозвалась Ксюша, что сразу же было замечено Унгерном.

– Ксюша, что там у тебя? Докладывай.

– Олег Васильевич на мониторе не отражается.

– Подробнее, – нахмурился генерал и, предугадав мой вопрос, пояснил мне: – Когда дверь кабинета открывается, камера автоматически включается. Я сюда сегодня случайно зашел – надо было кое-что в сейф положить. А у Ксюши монитор на столе. Положено в кабинетах камеру иметь. Борьба с коррупцией, понимаете ли...

- Камеры... - уточнил я.

- Почему, камеры? - удивился генерал. - Одна камера, как положено. Вон, глазок над дверью.

- Над дверью - один, вон, слева от портрета Президента - второй. Если еще пройтись, обнаружим еще пару-тройку.... - усмехнулся я. Вскочив так стремительно, что едва не сшиб с ног Ксюшу, Унгерн подбежал к портрету.

- Точно. Твою мать... - не сдержался генерал. - Как же смогли?

- А главное - кто? - усмехнулся я.

- Олег Васильевич, - прижал правую руку к сердцу генерал. - Не знаю, чем поклясться, но камеру ставили только одну. Ту, что положено... Если не поверишь, так логически рассуждать - какой мне смысл ставить камеру там, где тебя не бывает? Ксения?! - гневно повернулся он к девушке, которая так и замерла с подносом в руках.

- Виктор Витальевич... Товарищ генерал-майор... Я, честно, ничего не знаю... - дрогнувшим голосом отозвалась Ксюша, а в глазах заблестели слезы...

- Генерал. Кофе остынет, - негромко сказал я. Посмотрев на растерянную секретаршу, улыбнулся: - Ксюша, иди к себе.

Не помню, приходилось ли мне раньше видеть Унгерна таким растерянным. Даже тогда, когда я вынес из Застеколья тела погибших парней и генерал, тогда еще полковник, был более радостным.

Унгерн, сел в кресло и, отхлебнув приличный глоток кофе, спросил:

- Сигаретки не будет?

- Сигаретки? - растерялся теперь и я, похлопав по карманам. А ведь и верно... Сигарет у меня не было, только зажигалка. В Застеколье не курил, да и тут, даже не вспомнил, что когда-то выкуривал по две пачки в день. А зажигалка... Ну, ее я таскаю с собой все время, как когда-то наши предки не расставались

с кремнем и кресалом.

– У Ксюхи спроси, – подсказал Унгерн. – Она в курсе, что босс курящий. Обязана подготовиться.

Ксюшка сидела за столом и смотрела, уставившись в одну точку. Молодец, не истерит. Хотя и прекрасно понимает, кто будет первым подозреваемым на роль «крота».

– Ксюша, где можно сигарету найти? – поинтересовался я.

– Сигареты? – не сразу «врубилась» девушка, но быстро взяла себя в руки. – У меня блок «Кемела» лежит. Виктор Витальевич говорил, что вы «Балканку» предпочитаете, но «Балканка» для полпреда как-то... – замялась барышня. – Несolidно, – понимающе кивнул я и попросил: – Давай пачку, а заодно покажи монитор.

Посмотрев на экран, я уважительно покачал головой. Целых восемь «картинок»: прилегающая территория, вход, фойе, коридор, еще что-то и мой кабинет. Ксения догадливо щелкнула мышкой, увеличивая картинку. Генерал, словно поняв, что за ним наблюдают, помахал рукой.

– Так говоришь, на мониторе меня не было?

– Ага... Вот, смотрите, перематываю назад. Действительно, в кабинете был один Унгерн, оживленно беседовавший с пустотой...

– И записи с остальных камер я уже смотрела...

– И там меня тоже нет? – хмыкнул я. – Бывает...

Ксения вытащила платочек, зеркальце и принялась приводить себя в порядок. Оттерев подтаявшую тушь, слегка изменила наклон зеркальца, выворачивая глаза. Мне стало совсем весело.

– Ксюшка, не мучайся. Дай-ка сюда...

Ксения покорно разжала руку, а я продемонстрировал ей свое отражение в зеркале.

– Убедилась? Все в порядке, в зеркале отражаюсь. Колечка серебряного нет? Ну, в магазин сбегай, чеснока купи.

– Извините... – побагровела девушка.

– Фильмов про упырей насмотрелась? Такая большая, а в сказки веришь?

– Олег Васильевич, тут начнешь еще и не в такое верить... Как такое возможно, чтобы человек прошел через охрану – они, между прочем, у вас документы должны были спросить, потом – мимо всех камер и ни разу не «засветится»?

– Чудес на свете много друг Гораций...

– Что и не снились нашим мудрецам, – хмуро досказала Ксюха. – Шекспир. Со школы помню.

– Вот, молодец! – восхитился я. – Не зря в школе учат.

– Я ее от вас запомнила, – усмехнулась Ксюха. – Вы ж ее на каждом уроке цитировали... Ну, почти на каждом. Запомнишь тут... Еще от вашего «то бишь» два года отучалась.

– Она! – хмыкнул я. – Засорил детские головушки словами-паразитами.

– Еще... Можно вопрос?

– Валяй.

– Когда меня назначили секретаршей к секретному полпреду, назвали ФИО, я удивилась – вот, думаю, полный тёзка историка нашего. А потом, когда Виктор Витальич мне вашу фотку показал, я вообще обалдела. Ну, думаю, двойник, да еще и тёзка. Я же недавно с нашими – ну, с одноклассниками, виделась. Разговаривали – кто, где. Ну и об учителях, естественно разговор был. Сказали, работал мол, историк, до середины зимы, а потом на больничный ушел. А потом

в школу не вернулся, книжки пишет. И в городе я вас видела с месяц назад... Олег Васильевич, а вы вообще, кто? – Чудес на свете много... Ну и так далее. Не ломай голову. Давай сигареты и тащи еще кофе. А лучше – отдай нам чайник. И пепельницу.

– Пепельница на столе. А зажигалка?

– Своя есть, – доложил я и ушел.

Пока я болтал с Ксенией, генерал не терял времени зря – допил кофе, а теперь пытался отыскать чужие «глазки». Отчаявшись, сел на место.

– Пришлю ребятишек, пусть уберут, – решительно заявил генерал.

– А зачем? Пусть стоят, – покачал я головой. – Хлеба не просят, мне не мешают. Тем более, если эти убрать – новых натыкают.

– Вот скажи, кто это мог быть? – риторически спросил генерал. – Я сейчас не про заказчика, а про исполнителя. Ведь кто-то из своих, не иначе.

– А заказчик не волнует? – поинтересовался я.

– Ну, постольку – поскольку... – покрутил генерал рукой в воздухе. – Найти исполнителя – выйдем и на заказчика. В принципе, новый и секретный полпред может интересовать кого угодно – от Моссада с ЦРУ до смежников. Хоть армейцев, хоть дипломатов. У нас спецслужб развелось, как вдов после Куликова поля!

«Образно, однако! – удивился я. – Что-то новое в лексиконе генерала» В этот момент Ксения принесла чайник. Генерал, как Шахерезада, прекратил «дозволенные речи», а я наоборот.

– Ксюша, у тебя идеи есть? Кто и когда это мог сделать?

– Олег Васильевич, – вмешался генерал, озирая взглядом кабинет. – Может, в другом месте поговорим?

– Так мы секреты обсуждать не будем. И вообще... – Сделав паузу и, как хороший актер, потянув ее, сколько сумел, попросил: – Товарищ генерал, наливайте кофе. А ты Ксюша, посмотри на свой монитор.

Ксюшка кивнула и, оставив нам чайник, вышла. Но не успел Унгерн разлить кипяток, девушка вернулась.

– Олег Васильевич, что вы такое творите? – с дрожью в голосе спросила она.

– А что такое? – снова занервничал генерал. Потом, распотрошив пачку и закурив, предположил: – Камеры не работают?

– Только эта, – кивнула Ксюшка на глазок. – По всем остальным – и на том, который на входе и прочем, картинка нормальная идет, а тут – рябь...

– Ну, это нормально, – успокоился генерал. – Олег Васильевич как-то столько аппаратуры испортил, что медицинское управление до сих пор вздрагивает... А это – ерунда! Думаешь, остальные камеры тоже сдохли?

– Должны бы, – пожал я плечами. – А Ксюшеньке хочу сказать... Во-первых, сам не знаю, а во-вторых...

– А во-вторых, подчиненные вопросов начальнику задавать не должны, – закончил за меня Унгерн, раздавливая в пепельнице окурок и вытаскивая новую сигарету. Ксения, гордо подняла нос и вышла.

– Обиделась, – равнодушно отметил я.

– Помню, в году так... в восемьдесят шестом, встретил старого друга. Учились с ним вместе, – пояснил генерал, затягиваясь и запивая дым глотком кофе. – Я после училища, скажем так, по «внутренней линии» служил. Контрабанда оружия, проверка оружейных заводов и прочая мутотень... А он и в Афгане побывал, в Анголе отметился. Сидим в кабаке, звездочки капитанские отмечаем, хоть в штатском оба. Тут, к нам один хмырь подкатил, а с ним еще трое, на скандал напрашиваются. Я уж решил – уходить придется. Справиться-то бы мы с ними справились, но кому нужны разборки? То-сё, пятое-десятое, служебное расследование... Ну, сам понимаешь... А дружок мой, в глаза этому

хмырю глянул, улыбнулся и говорит: «Сел бы ты парень на свое место...» И все, как отрезало. Ушли они за свой столик и сидели, как пришибленные. И сказал-то тихонько так, а у меня мурашки по спине пробежали... А потом, лет так... через пять... когда я сам по всем «горячим точкам» прошелся, мне один знакомый сказал – ты, говорит, Виктор, смотришь и говоришь, словно в прицел смотришь...

– Это вы к чему? – поинтересовался я.

– К тому, дорогой мой, что у меня такое чувство сегодня возникло, когда ты сказал – дескать, сядьте, генерал, кофе стынет. Так мог сказать лишь тот, кто уже в бой сходил не один раз ... И еще... Тот, кто не только сам ходил, но и других водил. Ты когда это успел-то, за две недели? Еще... Как-то ты ногу подволакиваешь, странно.

Появление Ксении отвлекло генерала от вопросов, которые не доставляли мне никакого удовольствия.

– Извините, там товарища генерал-майора спрашивают. Просили в бухгалтерию позвонить, по поводу завтрашней командировки, – доложила Ксения.

– Ксения, позвони сама. Скажи, командировка отменяется. А ты, товарищ полпред... – Проводив глазами девушку и дождавшись, пока не закроется дверь, продолжил, – завтра же... нет, сегодня же ложишься в клинику, на обследование. Медики должны осмотр провести.

– Так вспомните, господин генерал. Проводили медики осмотр две с половиной недели назад. Аккурат, как мне должность дали... Я до сих пор удивляюсь, что меня вместо «дурки», в «полнонамоченные» представители определили, – усмехнулся я, вспомнив свое возвращение в Застеколье и подмокшее удостоверение.

– Так, вишь, какое дело-то... – покачал головой генерал. – Это для тебя Застеколье – новость, а для руководства – непреложный факт.

– Это как? – удивился я.

– Ты не подумай, я сам толком не знаю. Так, обиняками. Но, как выяснилось, сотрудничали когда-то государи наши и «застекольщики». А как революция случилась, то все и оборвалось. При Горбачеве об этом вспоминали, но опять забыли. Не до того было. Но документы никуда не делись, лежат в архиве. А вот при нынешнем Президенте, все чуть-чуть по-другому. Может, скептицизма в чем-то больше, но от реальных фактов он не отмахивается. А твое появление – как манна небесная. Параллельное пространство – это же масса возможностей! Ну, вспомни-ка, он сам тебе говорил – если не контроль, то хотя бы информация. Уже немало!

– Стало быть, о Застеколье знает не три человека, а гораздо больше, – сделал я вывод.

– Правильно мыслишь, – одобрительно кивнул генерал. – Так что, о секретах тут лучше говорить не будем. Верю, что ты усилием мысли «гасишь» радиоволны и телесигналы, но... Есть и другие способы. Пришлю я сюда ребяташек, пусть «чистку» организуют.

– А вы, господин генерал, уверены, что они новых «жучков» не наклепят?

– Да я, видишь ли, теперь уже ни в чём не уверен, – сокрушенно покачал головой генерал. – Подожди, не отвлекайся. Сейчас машину возьму, поедем в клинику. Смущает меня твоя нога. Что с ней случилось-то? Не темни, все равно узнаю.

– Виктор Витальевич, некогда! Ногу проткнули, но все уже зажило, не беспокойся. Врачи там хорошие, лекарства тоже. С клиникой не получится, времени нет, зато новости есть. Может, вы меня куда-нибудь перекусить сводите?

– Ладно, «темнила», – вздохнул генерал. – О тебе ж беспокоюсь. Ну, перекусить можно. На углу есть приличная кафешка, туда и сходим. Да, кстати... Ключик возьмите, господин полпред, от сейфа, – протянул мне Унгерн крошечный ключ.

Если бы пришлось проводить обыск в кабинете – не отыскал бы. Сейф был замаскирован отменно. Впрочем, кому надо, те бы его нашли сразу. Ключик открывал только крышку, под которой прятались кнопки с цифрами.

– Код я пока свой поставил, – ловко нажал на кнопочки генерал. – Тут как на электронном ящике – логин, пароль. Поменяешь потом. Только, я тебя умоляю – не ставь свою фамилию и дату рождения! Не облегчай жизнь любопытствующим.

Дверца сейфа отошла в сторону, обнажив содержимое. Невеликое, скажем так. Несколько папок с бумагами, какие-то брошюры. Сверху было еще одно отделение, совсем маленькое, но тоже «закодированное».

– Ну, тут у тебя должностные инструкции, перечень нужных телефонов, адресов. В принципе – ничего сверхсекретного, чего нельзя бы отыскать в Интернете, – пожал генерал плечами. – Но, сам понимаешь, положено так! Сам потом напихает, чего нужно. Но в свете последних событий, я бы не рекомендовал хранить тут важные вещи... А вот здесь... – нажал Унгерн на кнопочки верхнего отделения, – самое главное!

Ух ты! Мне стало смешно по-настоящему. Оказывается, «главным» для меня был небольшой пистолет и кобура.

– И чего это ты? – слегка обиделся генерал. – Вспомни, как ты у меня пистолет просил!

– Я-то помню, – хмыкнул я. – А еще помню, как господин генерал мне контрабандную «пушку» засунул. Хорошо еще, что умный человек нашелся, показал, что бы случилось, если б я в Застеколье выстрелил. Чуть без рук не остался...

– Да? Интересно... Потом расскажешь подробней. А пока, давай-ка мы на тебя кабуру взденем. – Унгерн собственноручно надел на меня кабуру (именно так!), подтянул, где надо. Пристроил пистолет и остался доволен.

– Вот, тут нажал, пружинка сработала и пистолет у тебя в руках. Можно одиночными бить, а хочешь – очередью вдаришь. Но, тебе не рекомендую очередями стрелять – не «Калашников», сноровка нужна. Новая модель АПС. У нас такой не каждый генерал имеет. Хотя, зачем генералам пистолеты? Я себя не имею в виду, – уточнил Виктор Витальевич. – Сходим в тир, потренируешься. Понял уже, что ты по «холодняку» мастак, но тут тебе – не там...

Самое забавное (если так можно сказать), что мне понравилось ощущение от кобуры под мышкой и от того, что у меня есть оружие. Топор и кистень я с собой не потащил и, потому, чувствовал себя «голым».

– Ну, забери еще свою кредитку и пошли, – сказал Унгерн, кидая мне куртку. Видя некое недоумение, разъяснил: – Конвертик там, на полке. Карточка, код активации. Еще – симка с мобильного банка. Уж, извини, пришлось твою подпись подделать, чтобы заявление на кредитку писать. Но конверт как получен, так и лежит. По дороге банкомат есть, заодно и проверишь зарплату полномочного представителя.

– А, вон оно что! – приятно изумился я. Не то, что была нужда в деньгах, но скажите, кто же откажется от лишней копеечки?

Выходя из кабинета, генерал кивнул Ксюше:

– Мы в кафе сходим. Вроде, на углу кормят неплохо?

– Нормально, – пожала плечами девушка. – Только куру не берите, в прошлый раз прокисшая попалась.

– О, спасибо, – обрадовался генерал. Потом развел руками: – Куры прокисать стали. Я на днях в столовой Госдумы решил пообедать. В очереди полчаса простоял. Когда цену назвали – прибалдел. Сто двадцать рублей! – А что, нормальная цена, – удивился я. – Если без прибабасов – первое-второе и компот.

– Вот именно. В школьной столовой... А для Москвы – это разве что в «Макдональдсе» бигмак взять, а если с пепси – уже не хватит. Так вот, взял в столовой куру – тоже прокисшая! – пожаловался Унгерн. – И как там наши депутаты обедают? – Так вы думаете, они в этой столовой обедают? Делать им больше нечего! – фыркнула Ксюша. – У меня подруга – учитель, детей на экскурсию в Думу возила. Я тоже к ним пристроилась. Нас на балкончик сводили, откуда всех депутатов видно. Думала – чего же там фоткаться не разрешают? Везде можно, а с балкона – ни-ни. Поняла потом. В зале полтора депутата сидит и, кто чем занят. Председатель с каменным лицом, выступающий выступает, вроде бы, как для себя. А остальным – по барабану! Кто газетку читает, кто «вконтакте» сидит... Лафа, а не работа! Подруга вся

извелась – как мол, я на уроках буду дисциплину требовать, если наши избранники так себя ведут? Я подружке говорю – ты, мол, детям так и объясняй – чтобы ничего не делать, как депутаты, а деньги получать, нужно вначале в школу исправно ходить и на уроках отвечать.

– Все, мы ушли, – сказал Унгерн, решительно выходя из приемной. Проходя по коридору, обронил: – Девчонка хорошая, надежная. В драчке, если что – трех мужиков завалит. Обычных, конечно. Одна беда – болтушка. Не в том смысле, что секреты выбалтывает – этого нет, проверено. А вот так, по пустякам, любого уболтает.

– Птица-Говорун, – усмехнулся я, вспомнив Ксюхину кличку.

– Вот уж точно, – поддакнул генерал и показал близкое знакомство с классикой детской фантастики: – Птица-Говорун. Отличается умом и сообразительностью!

В вестибюле, где наличествовал пост охраны, двое «секьюрити» (хотя и без погон, но чувствовалась «конторская» выучка) – в игрушки на компе не играли, а наблюдали за территорией, почтительно кивнули генералу и с удивлением воззрились на меня.

– Пропуск начальнику выдайте, – приказал генерал, показывая на меня подбородком. – Должен у вас лежать...

– Так точно! – подскочил один из «охранников», а второй недоуменно спросил: – Товарищ генерал, а откуда посторонний взялся?

– Начальство нужно знать в лицо! – веско изрек Унгерн. – Хотел вас премии лишить за то, что проворонили, мимо себя незамеченным пропустили... Но, прощаю, на первый раз. Хотя... Сегодня начальство, а завтра – террориста профукаете. Ну да ладно. Уж раз сказал, что за это не лишу, значит – не лишу. А вот за то, что вы в лицо товарища не знаете – за это точно, лишу. У вас фотография должна быть.

– Откуда она возьмется? – возмутился старший смены. – Мы у Ксении спрашивали, а она нам – вы, товарищ старший сержант, не в свое дело нос суете. Еще и вам пригрозила пожаловаться. Дескать, охрана интересуется неположным...

– Нормально... – хмыкнул генерал. – А вам что, фотографию кто-то должен на блюдечке поднести? А в Гугле-Яндексе, не судьба набрать? Там вам с десяток портретов выдаст. Вам для чего компьютеры навороченные ставят? По порносайтам лазать? Хотел я вас премии за месяц лишить, а теперь – за квартал сниму. А заодно и баллы урежу на ближайшие полгода.

Я, по своей простоте и наивности, чуть не ляпнул, что можно мое личико было бы и в пропуске рассмотреть, но вовремя прикусил язык. Не из жалости за «урезанные» премии и «баллы». Не перевариваю охранников в любом обличье – хоть «вохровцев», хоть «чоповцев». (Не могу понять, как здоровые бугаи могут целыми днями тупо смотреть в экраны, давить мух, а время от времени приставать к бабулям с требованием показать сумку?) И эти, коли их под «вохру» замаскировали, так большего они и не стоят... Дело в другом. Пропуска нынче не прежние, с фотографией «три на четыре» и с уголком для печати, а электронные.

Так оно и вышло. «Вохрогэбэшник», мрачно косясь на Унгерна, выдал мне пропуск, больше похожий на кредитку. Не перепутать бы!

Я лишь улыбнулся, когда Унгерн бодро прошел мимо кафе на углу и повел меня дальше. Старый чекист борозды не испортит!

– Год назад ты бы меня вопросами одолел, – с довольным видом сказал генерал.

– Думаешь, господин генерал, что крот – Ксюха? – поинтересовался я, переходя на «ты». Честно, после Застеколья, где «вы» было не принято, приходилось контролировать себя. Было опасение, что Виктор Витальевич обидится, но он воспринял спокойно.

– Сам-то, как считаешь?

– Вряд ли, – покачал я головой. – Уж слишком очевидно. Девчонка, конечно, полоротая, но подлости в ней не было. Вряд ли изменилась. Хотя, – заметил я, – все в этом мире бывает в первый раз... Кстати, ты ее ко мне приставил, потому что моя ученица? Вот уж, не поверю, что генерал-майор не заметил совпадения.

– Я это заметил еще в нашу первую встречу, – усмехнулся Виктор Витальевич. – Думаю, вот, личность интересная, которая по всем параметрам подходит и, бац! Вспоминаю, что девочка у меня из этого же города. Уточняю биографию – так еще и твоя ученица!

– Ученики, обычно, всегда в курсе всех дел, – засмеялся я.

– Конечно, – не сконфузился генерал. – Спросил, где училась, да кто учил – сразу и «раскололась». А когда выразил удивление, что в ее школе мужик преподает, она мне всю твою подноготную и выдала. И про увлечение демонологией – ты ж деток почти на каждом уроке рассказами про домовых да леших долбал и про диссертацию. Даже про то, что училки к тебе клянутся, а ты – ни-ни...

– Эх ты, а еще генерал! Я-то уши развесил, что и впрямь, мои статьи научные прочитал, – сделал я вид, что обиделся.

– Нет, ну кое-что и вправду читал. Мы же вначале на тебя вышли, а уже потом стали информацию собирать. Ученица твоя к месту пришлась.

– Помнится, один участковый рассказывал, – вспомнил я свою бурную молодость и работу следователя. – Кто, мол, самые лучшие информаторы?

– Бабушки на скамейке, – кивнул Унгерн. – Это уже классика. Всегда все знают, все видели, а самое главное – ни хрена не боятся.

– И уважение к органам еще осталось! – назидательно вздел я палец.

– Ага, – согласился генерал и остановился, указав на банкомат: – Активируй кредитку. Узнаешь, сколько полпред получает...

Активизировав и сделав запрос, я забрал тонкую бумаженцию и тихо захрюкал, узрев сумму на счете. Не поверив своим глазам, протянул квиток генералу, снова переходя на «вы»:

– Виктор Витальич, я ничего не путаю? Тут, сорок шесть или четыреста шестьдесят?

- Четыреста шестьдесят, - уважительно подтвердил Унгерн. - Моя зарплата за...

За сколько - за месяц или за полгода, генерал не сказал. Наверное, чтобы я не завидовал.

- А почему за один месяц заплатили? - деланно возмутился я, вспомнив временные парадоксы. - Я был на работе четыре месяца, а заплатили за один. Где справедливость?

- Ну, майор, не наглей, - усмехнулся Унгерн, слегка подыгрывая мне. - Ты и так в двух местах зарплату получаешь. Тебя хоть за штат и вывели, но оклад и прочее по среднему оставлен. Да еще и гонорар за книгу.

- А за что гонорар? - сразу же заинтересовался я, хотя не помнил, что мне кто-то что-то перечислял...

- За книжку, в которой ты про Цитадели растрезвонил. Уже забыл, как государственную тайну раскрыл?

- Ну да, источник информации - фантастический роман.

- Когда ничего другого нет - и это, вариант, - не согласился со мной начальник. - Вон, твой коллега по перу, тот, что Дашко, откуда узнал про специальную бригаду егерей, которая в аномальных зонах работала? Правда, было это еще при СССР, но секретность до сих пор, по высшей мере. В Пентагоне его книгу уже изучили...

- Ну, а я-то думал... - разочарованно протянул я.

- Думал, переиздание было? Ну, уморил... Если бы ты был Никитиным, Бушковым или, там, Прозоровым, тогда - да. Переиздания, тиражи, допечатки. А вообще, я думал, что писателям платят больше.

- Кому - больше, кому меньше, - грустно пожал я плечами, а потом поинтересовался: - А вам-то, откуда известно про гонорары?

– А ты где служишь, товарищ майор? В государственном учреждении или на овощной базе? Налоговая нам всю информацию о доходах сотрудников представляет.

– Интересно, – улыбнулся я. – А о доходах полпреда президента тоже будут сообщать?

– Ну, это уже не мне решать. Есть начальство и повыше. По закону, ты должен сам декларацию подавать, как все прочие высшие сановники... Но ты у нас – кадр особый, секретный.

– Да уж, шибко секретный... Каждая собака знает.

– Про собак – не знаю, врать не стану. Они твари умные, лишнего не твякнут. Но те, кто Застекольем и тобой интересуются – пока только домысливают. А догадки, сам понимаешь, это еще не факты! Конечно, если бы кое-кто в книжках не расписывал, так проще бы было. А вообще, помалкивал бы лучше. Гонорары ему, подавай, при таких-то доходах! Сам можешь не одну книжку издать, за свой счет.

– Э, товарищ генерал, ничего-то вы не понимаете, – сокрушенно развел я руками. – Дело не в деньгах, а в принципе. Ведь реально-то я проработал четыре месяца, так? – А как ты это нашей бухгалтерии объяснишь? Справку принесешь? Так это, знаешь ли, финансовой дисциплиной не предусмотрено. Опять же, если мои источники не врут – а они не врут – кому-то откуда-то каждую неделю приличные деньги «капают». И, есть у меня подозрение, что из параллельного мира... – Деньги капают? – удивился я, пытаюсь вспомнить – откуда? Потом до меня дошло. Белка же говорила, что дала поручение посылать моим девушкам – жене и дочке, энную сумму... А Унгерн, проныра, даже и это знает.

– Только не говори мне про тайну вклада, незаконном использовании компьютеров и прочее, – усмехнулся Виктор Витальевич. – Я-то понимаю, все честно заработано, да и суммы не такие уж крупные – по десять тысяч, но я уже за тебя отделу внутренних расследований отписывался. Мол, сотрудник секретный, работает под прикрытием, получает зарплату. Мог бы и на жену счет оформить или на дочь. А еще проще – наличными деньгами. Кто знает, может, в следующий раз, потребуют из зарплаты высчитывать все то, что тебе в Застеколье набежало? Вот ведь, – хохотнул Унгерн. – Учю своего подчиненного,

как «чёрный нал» прятать!

- Однако сию я под колпаком очень даже плотно.

- А где ты колпак-то увидел? - удивился Унгерн. - Это не колпак, а так, колпачок. Обычная схема. Не ты один. Не знаю, «пасут» ли генералов, но когда был полковником, точно знал, что пасли. Зато - ты кого-нибудь из госбезопасности назовешь, кто на взятке попался или там, в бега подался?

Крыть было нечем. Правильно. Мы не цветы выращиваем и, даже, не пьяных бандюганов ловим.

- Ладно, товарищ генерал, все понял. Но я ведь не просто так прибыл.

- Да я уж догадался, Олег Васильевич. Судя по всему, новости у вас - очень нехорошие! - перешел генерал на официальный тон.

- Куда уж хуже, - вздохнул я. - Вырисовалась реальная угроза вторжения. Хуже, чем в Голливуде...

- Стало быть, Землю надо спасти, - вздохнул Унгерн. - Надеюсь, на обед у нас время есть? Ну, пообедаем, а потом и спасем.

Глава вторая

Моя полиция меня бережет ...

Мы перевели дух. Виктор Витальевич вытащил сотовый, ткнул пальцем и скомандовал кому-то:

- Опергруппу и группу захвата на угол Зои - Шуры и Новомосковской. Чтобы шустрее!

- Что, один в отпуске, другой в запое? - поинтересовался я.

– Пусть бы попробовали ... – мрачно пообещал генерал. – У меня ж группа быстрого реагирования не тут, а на главной базе. Тут что – фикция, офис полпреда... Минут тридцать придется ждать, если в пробку не попадут. Пока тащатся, милиция, виноват, полиция примчится... вон, легки на помине...

Точно так. К нам катил «луноход» с новенькой надписью «Патрульно-постовая служба полиции». Резко, с визгом тормозных колодок остановился, едва не зацепив нас бампером, а из него выскочило трое парней в бронежилетах, надетых на синие форменные рубашки, с автоматами. Держа «злоумышленников» на прицеле, тройка подошла поближе. «Молодцы, оперативно сработали!» – мысленно похвалил я бывших коллег.

– Бросай оружие, суки! – азартно заорал один из них, у которого из-под «бронника» торчал лейтенантский погон. – Стреляем на поражение!

Мы переглянулись. Унгерн демонстративно просунул большой палец в скобу пистолета, поднимая руки вверх. Я поискал взглядом свой АПС, не нашел и последовал примеру старшего товарища.

– На землю! Мордой вниз! – скомандовал лейтенант.

– Лейтенант, я генерал госбезопасности, – начал объяснять Унгерн. – На нас совершено нападение...

– Мордой вниз, сука, я сказал! – вызверился лейтенант.

Нас уложили на землю, старательно вжимая в асфальт. Завернули руки за спину, надели наручники. Бегло охлопали по бокам, ощупали, выгребли из карманов телефоны, деньги, документы и кредитки. Потом, «приложили» по почкам, подняли и прислонили к «луноходу».

– Что, сучары, попались? – радостно сказал лейтенант и обернулся к одному из подчиненных: – Вот, Тоха, а ты говорил – премии не будет. Тут, не то, что премия, звездочка светит. Щас оперов дождемся, в отдел уродов свезём.

– Ты, лейтенант, хотя бы документы у нас проверил, – хмуро сказал Унгерн, у которого из рассеченной об асфальт брови текла кровь.

- Слышь, Димыч, - толкнул его в плечо Тоха. - А может он и впрямь, генерал?

- Да хоть министр обороны! - заржал лейтенант Димыч. - Наше дело маленькое - задержать и доставить куда следует. А там пусть следаки с операми разбираются.

- А хамить-то зачем? - поинтересовался Унгерн. - Да еще мордой об асфальт прикладывать, по почкам бить.

- Да ты что? Впрямь, по почкам? - вскинулся лейтенант в притворном ужасе. Обернувшись к сержантам поинтересовался: - А ну, кто из вас преступника по почкам бил?

- Чему вас там в полицейских академиях учат? - возмутился генерал. - Кто же до суда задержанных преступниками называет?!

- Ты кого учить вздумал? - удивленно воззрился на генерала лейтенант, а потом, от всей дури, заехал ему прикладом автомата в печень.

Унгерн, не ожидавший удара, согнулся от боли. А лейтенант, посмотрев на меня, хмыкнул:

- Молчишь? Ну, правильно делаешь...

- Дурака учить - только портить, - не выдержал я и, немедленно схлопотал прикладом по физиономии. Хорошо, что удар шел не прямо, а вскользь. Иначе - быть бы со сломанной челюстью.

- Димыч, хорош! - оттащили лейтенанта подчиненные. - Вон, «скорая» приехала и опергруппа. Стуканет кто, будет тебе премия... Давай, уродов в «кузю» грузить, пока опера не забрали.

К нам подбежало пара молодых людей в штатском. Явно, оперативники. Между ними и «обмундированными» завязалась профессиональная дискуссия.

– Нам оставьте, мы их сами довезем, – настаивал один из оперов. – А в рапорте напишем, что вы их задержали. Ну, чего ты опять козлишься-то?

– Ага, вам оставишь, так вы себе «палку» срубите, – усмехнулся лейтенант. – Мы их в отдел привезем, в «обезьянник» сдадим, оформим, отпишем. Вот, там вы с ними и трахайтесь.

– Слушай, нам нужно опрос провести, объяснение взять, – настаивал опер, а лейтенант отмахнулся:

– У вас свое начальство, у нас свое. У нас, что в инструкции сказано? При совершении преступления охранять место преступления, дожидаться оперативно-следственной бригады. При задержании подозреваемых доставить их в отдел. Вон оно место, целехонько. Вон – потерпевшие лежат. Сами разбирайтесь. Работайте. А мы преступников повезли. Все!

Не слушая слов опера, лейтенант махнул своим подчиненным рукой.

Из-за округлости фигуры, в тесном отсеке генералу пришлось тяжелее, чем мне. Но он не роптал. К моему удивлению, не грозил «ментам» карами небесными, а только грустно сказал:

– Слушай, Васильич. Много я дураков видел, но таких...

– А он не дурак, – хмыкнул я, пытаюсь пошевелить разбитой скулой. – Он просто идиот. В мое время таких не было... Не держали придурков в «ментовке». Это же, каким кретином нужно быть, чтобы генерала ГБ в «кузю» засунуть?

– Сколько ты в милиции-то прослужил, а? Четыре года? Ретивое поперло?

– Так, обидно ж, – признался я. – Ну, ладно, наорали, мордой в землю уложили. Понимаю. Люди с оружием, трупы лежат. Но так-то зачем, по-хамски?

– Где трупы-то? – проворчал генерал. – Я своего, аккуратно – обезвредил и обездвигил. А ты... – не выдержав, рассмеялся Унгерн. – Сказать кому, как майоры ГБ оружие используют, не поверят!

– Да уж ... – Невольно рассмеялся и я, вспоминая то, что случилось двадцать минут назад. Хотя, смеяться-то было не над чем. Нападение на генерала госбезопасности в центре столицы (про себя, любимого и важного молчу!), к веселым вещам при всем желании не отнести.

– Зря пельмени не взяли, на вид – очень симпатичные, – отметил я.

– Да ну... – пренебрежительно махнул рукой генерал. – Это разве пельмени? Надо будет тебя в гости пригласить, тогда и увидишь, что такое настоящие пельмени.

По молчаливому согласию решили отыскать местечко, где можно поговорить, не опасаясь ни «вражеской», ни «дружественной» прослушки.

– Вон, скамеечка стоит, – поглаживая себя по округлому животу, сообщил генерал.

Но спокойно посидеть не получилось. Два молодых человека славянской внешности, покуривавших на поребрике, вскочили и побежали к нам, вытаскивая из-за под курток что-то блестящее.

По законам жанра, я должен был показать генералу, что уже чему-то выучился и «уложить» обоих киллеров. Или, наоборот – Виктор Витальевич должен был оттолкнуть меня с линии огня... Но нам, на тот момент, было не до законов, ни до жанров. Не заморачиваясь – что там такое в руках у парней: может, микрофоны, типа, журналисты собрались взять интервью? или – собираются «втюхать» новейшие фотоаппараты, мы схватились за оружие.

– Твой – слева! – рыкнул генерал, беря на прицел «своего».

Первая пуля генерала пробила правое плечо киллера, вторая – колено. Я же, не подумав, что из АПС вообще-то положено стрелять, запустил им в лоб второго...

– Какое-то, покушение бездарное, – хмыкнул Унгер, пытаясь почесать нос, но сведенные за спину руки в наручниках помешали. – Ну, что им стоило чуточку подождать, со спины зайти?

– Спешили, – выдал я «откровение».

– Да уж, да уж... – покрутил головой генерал и обеспокоенно спросил: – Судя по времени, мы бы уже в отделе должны быть. Тут и ехать-то, минут пять. Скажи-ка, у тебя в бумагах что-нибудь интересное было? Стоп-стоп... Кредитка! Ты куда чек дел?

– Чек? Хотел выбросить, а потом... – растерялся я.

– Вот-вот... – усмехнулся генерал. – Кредитку в чек завернул и в карман засунул. И конвертик с кодом там же лежал...

Машина остановилась. Унгерн, выглядывая в узкое и грязное окошко, с удовлетворением сообщил:

– Точно, к банкомату пошел. Искал, чтобы видеорекамеры не было. Ну, счастья-то дураку привалило! – Глянув на мое раздосадованное лицо, фыркнул: – Ладно, не переживай. Вернет он все, до копейки. Обещаю.

Летеха, обналичив мою зарплату, сел и «луноход» тронулся. Скоро доставили в «участок» – гнусное заведение, пропахшее хлоркой и потом.

– Ну, давай, занимайте места, – ворковал счастливый лейтенант, «расковыывая» нам руки и вталкивая в «обезьянник». – Шнурки вынимайте. Крестики, если есть, снять... Щас, дежурный заявление о краже примет, вас и оформит. Если что не так – потом извинимся.

– Вот, а мы с тобой место искали, – с удовлетворением сказал генерал, втискиваясь в узкое пространство между скамейкой и решеткой. – Никто не помешает. Вон, если только он, – кивнул Виктор Витальевич на пьяненького мужика, посапывавшего в углу.

Стараясь быть предельно кратким, я рассказал генералу о своем назначении в отдаленную крепость, о наших боях со цвергами, об изысканиях Ярослава. И о том, что нужно срочно привлекать все силы и средства не только «конторы», но и всех силовых структур на поиск таинственных пришельцев...

По мере рассказа, генерал-майор мрачнел все больше и больше...

– Значит, таинственные карлики, атакующие сразу в двух пространствах. И есть у них непонятно что и непонятно где... Не то – подводная база, не то – космический корабль. И, доказательств, разумеется, фиг да, не фи́га. С чем мне на доклад к директору идти?

– Только с трупами.

– Опять у тебя трупы? – вскинулся Унгерн. – Ну и кто, на сей раз?

– Эти самые, карлики из параллельного пространства, – сообщил я. – Оружие их, прочее.

– Ага, – повеселел генерал. – Уже, кое-что. Как я догадываюсь, забирать их придется с той самой полянки? И побыстрее. Ладно... Дежурный по райотделу – на выход! – гаркнул генерал так, что пьяный мужичонка подскочил и с перепуга начал икать...

– Чего кричите? – подошел к решетке меланхоличного вида старшина, с мятой бляхой на груди. На бляхе был изображен Георгий Победоносец и плохо читаемая надпись «Помощник дежурного». – В туалет? Нет? Тогда в чём проблемы? Дежурный сейчас освободится.

– Скажите дежурному, чтобы он документы посмотрел, – тоном приказа сказал генерал, что крайне не понравилось старшине.

– Вы, гражданин, в кабинете командовать будете. Здесь вы задержанный. Вон, у людей кража случилась. Чем они хуже? Тем более, они потерпевшие, а вы, покамест, подозреваемый в преступлении.

– Я сказал – пусть дежурный мои документы посмотрит, – сквозь зубы выдавил генерал. – Иначе...

– Что – иначе? – скривил губы старшина. – Знаете, сколько раз мне погоны грозились снять? Освободится дежурный, разберемся. Если не виноваты – выпустим. Принесем, так сказать, извинения. Не вы один у нас. – Ладно, – вздохнул генерал. – Видит Бог, я этого не хотел...

Виктор Витальевич проделал странную манипуляцию. Вытащил из воротника какую-то булавку и согнул ее.

– Это маячок такой? – догадался я.

– Ждем. Время пошло, – посмотрел генерал на запястье, где недавно были часы и, обнаружив лишь незагорелую полоску кожи, вздохнул.

– Ну, тогда можно договорить о судьбах цивилизации, – предложил я, оглядев еще раз наш «обезьянник», окошечко, за которым сидел дежурный и большую приемную, где экипаж, во главе с лейтенантом, старательно писал рапорта... Не самое лучшее место, в котором можно говорить о глобальных проблемах, но бывает и хуже...

Но поговорить нам не дали. К «обезьяннику», четко меряя шагами протертый линолеум, подошел мужчина с погонами подполковника – возрастом, чуть младше меня, с седой головой, чем-то похожий на актера Галибина. Следом за ним приплясывал «наш» лейтенант и слезливо канючил:

– Ну, товарищ полковник, мы же их на месте преступления задержали, с оружием в руках... Я ж думал, «ксива» поддельная. Где ж это видано, чтобы генералы по улице ходили?

– Яськов! Камеру открой! – позвал подполковник, не глядя на лейтенанта, и к нему метнулся высокий капитан со связкой ключей. – Яськов, а ты куда смотрел?

– А что я, товарищ подполковник? – отозвался дежурный, с перепугу не попадая ключом в скважину. – Мне Гнусин – комвзвода – оформляй, «злодеев» привез. Я «пэпээсников» отправил рапорта писать, а сам заявление принимал,

оперативную группу на кражу отправил. Как освободился, так смотреть стал. А как удостоверение генеральское увидел, сразу и доложил.

– Начальник РОВД подполковник полиции Кудрявцев, – представился седой. – Товарищ генерал-майор, – сдержанно, но с достоинством, сказал подполковник. Посмотрев на меня, добавил: – И вы, товарищ... Я приношу вам свои извинения. Виновные будут наказаны по всей строгости.

– За что наказаны? – взъярился летёха. – Мы в столовую ехали, слышим – выстрелы. На них сразу и рванули. А что мы должны думать, если двое лежат, а эти стоят, с оружием? Наше дело задержать, а разбираться отделы должны! Мы преступников, то есть, задержанных доставили! И вы мне не начальник. У меня ротный есть и комбат!

– Да я вас наказывать не буду, – покачал головой Кудрявцев. – Я только своих подчиненных могу наказывать. А в отношении вас, Гнусин и ваших, с позволения сказать, подчиненных, будет возбуждено уголовное дело. Яськов, считай, что строгий выговор ты уже поимел. И помощник тоже.

– За что, товарищ подполковник? – взвыл дежурный. – Я от экипажа вызов получил – мол, задержание на месте преступления. Дежурную опергруппу отправил. А тут опять кражи – восьмая за сегодня. Пока резервную группу собирал... А мне же надо криминалиста вызвать, кинолога с собакой ... У меня не десять рук.

– А за то, капитан, чтобы мне не так было обидно, когда я неполное служебное соответствие получу, а то и коленкой под зад, – грустно усмехнулся подполковник. Посмотрев на Гнусина, добавил: – А из-за тебя, родимый, у всех твоих начальников погоны полетят. Ну, ты не переживай, тебе они ничего не сделают, потому что ты, будешь на нарах чалиться. А где вещи задержанных? – поинтересовался подполковник.

– Сейчас, – метнулся дежурный в свою застекленную кабинку. Вернулся, держа в руках два пластмассовых лотка, на которых лежало изъятое имущество – ключи, телефоны, документы, кредитки и, самое главное – пистолет генерала.

Виктор Витальевич осмотрел свою «пушку», проверил обойму и сунул в наплечную кобуру (генерал сказал бы «кабура», но я уж так, по привычке...).

Заполучив любимую игрушку, повеселел. И, уже почти доброжелательно спросил:

- Деньги-то сам вернешь? Или - помочь?

- Да вы чего, товарищ генерал? - улыбнулся лейтенант с говорящей фамилией. Улыбка получилась вымученной. - Какие деньги? Не видел никаких денег...

- Четыре миллиона, которые ты с карточки снял, - не моргнув глазом сказал Унгерн.

- Какие четыре? - вскинулся лейтенант. - Там и миллиона-то не было...

Всем, кроме «пэпээсников», стало смешно...

- Во, а я всего-то фанфурик спёр, голову поправить, так замели! - подал голос пьянчужка из «обезьянника». - А менты миллионами крадут! И куда полиция смотрит? Выдав тираду, наш бывший сосед уронил голову на грудь и снова заснул.

Унгерн, взяв в руки телефон, бросил в трубку:

- Маски-шоу отменяются, ждать меня у крыльца. Готовьте вазелин ... - Повернувшись к нам, хмыкнул: - Вот было бы весело, если бы из-за одного дурака межведомственная стычка была! Гнусин, тебе две минуты - забрать у своих хрюнделей все, что украли и нести сюда. Бегом!

- Яськов, проконтролируй, - приказал подполковник Кудрявцев дежурному и добавил: - И позвони комбату этого... чудака, на букву «м», чтобы срочно сюда ехал. Врач нужен? Помощь окажет, следы побоев зафиксирует.

- Значит, так, - позволил себе вмешаться и я. - Генерал, вам врач нужен? Нет. Мне - тоже.

- Сразу к судмедэксперту поедете? - предположил подполковник.

- Да нет, никуда мы не поедем, - сказал я и оглянулся. - Где этот хрюндель?

Лейтенант Гнусин был тут, как тут. С льстивой улыбкой он протягивал пачку денег. Мне почему-то стало противно брать деньги из его рук.

– Где там помощник дежурного? Пусть посчитает, – приказал я и снова вернулся к теме. – Когда начальник этого ... лейтенанта приедет? Ладно, пусть в дежурке сидит, ждет своего комбата.

– Нам на линию надо! – сообщил лейтенант, видимо посчитавший, что раз он вернул деньги, то теперь чист, аки голубь.

– Тут всем сидеть, а иначе в камеру отправлю! – прикрикнул подполковник и Гнусин «со товарищи» испуганно сели, нервно дергая за ремни автоматов.

– Вот, все сосчитал, – доложил флегматичный помдеж. – Пятьсот тридцать две тысячи. – Все верно?

Я не помнил, сколько мне дал Ярослав, сколько было на карточке, но в принципе – похоже на правду. Кивнув старшине, пошел вместе с генералом и начальником РОВД на выход.

После «обезьянника» воздух московской улицы показался удивительно свежим. Хорошо! А вон, во дворике скромно приткнулась знакомая «газель» с тонированными стеклами. Помню я эту машинку!

– Олег Васильевич, какие будут предложения? – поинтересовался Унгерн, косясь на «луноход», возле которого слонялся еще один член экипажа – водитель.

Подполковник Кудрявцев, поймав генеральский взгляд, вскинул брови:

– Сейчас комбат приедет, всех и «окучим». Я без их непосредственного начальства оружие у них забрать не могу. Вдруг, с большой-то дури, палить начнут? Оно мне надо? – С интересом посмотрев на меня, спросил: – Не знаю Вашего звания...

– Подполковник, кто же спрашивает звание у генеральских начальников? – хмыкнул Унгерн и снова спросил: – Так, каково ваше решение?

– Думаю, так, – приняв значимый вид, изрек я. – Уголовное дело не возбуждать. Выговоры своим людям, товарищ подполковник, вы вправе объявить, но я бы сказал, что объявлять не за что. Дежурный и помощник ничего не нарушили. А касательно Гнусина и компании – уволить всех, к нехорошей матери... Реально, господин подполковник? Или наше вмешательство требуется?

– Вполне, – пожал плечами Кудрявцев. – Мои ребята рапорта напишут, я сам напишу – уволят этих ... недоделанных, к завтрашнему дню. Сейчас с этим проще, чем раньше. Служебное расследование и приказ об увольнении. Но с вас, товарищ генерал и с вашего ... начальника все равно нужно какое-то заявление. Дескать, не настаиваем на возбуждении уголовного дела и прочее. Да и объяснение с вас придется брать. Иначе, сухими из воды выйдут.

– И получается у нас замкнутый круг, – усмехнулся я. – Если мы заявление напишем, так вы обязаны будете дело уголовное возбудить. А нам с товарищем генералом, светится особенно-то и ни к чему.

– А может, – призадумался Унгерн, глянув на машину со своими бойцами, – взять этих козлов с собой, да научить их вежливости?

– Нет, товарищ генерал-майор, – твердо сказал подполковник. – В другом месте – как хотите. Здесь мой райотдел. А этих, пусть они трижды козлы, я вам не отдам. Можете потом меня уволить – знаю, ваша контора еще и не то сумеет, но пока я здесь за порядок отвечаю. Если только силой отберете. А силой – скандал будет, сами понимаете... – Да скандала-то может и не быть, – хмыкнул Унгерн, прикидывая – за сколько минут его ребята разнесут РОВД. – Вон, тот товарищ, – кивнул он на меня, – лично попросит вашего министра, чтобы не скандалил.

– Ну, я министру указывать не могу, а дело свое знаю, – угрюмо сказал Кудрявцев. – Да и не генеральское это дело дуракам мстить. Хотите наказать – пишите заявление. Будем уголовное дело возбуждать. Сейчас дежурного следователя вызовем. Судья наверняка санкцию на арест даст, а из СИЗО – прямая дорога в колонию.

– Ладно, – усмехнулся генерал. – А насчет увольнения, вы уж не обижайтесь, подполковник, но я проверю. Передайте комбату, что если он это не сделает, то на следующей неделе сам пойдет охранником работать. Думаю, он сможет их,

скажем так, «убедить», по-хорошему уволиться. И честь мундира сохраните и дураков в органах поменьше будет. Не угрожаю, но есть у меня возможность комбата не только без погон, но и без пенсии на волю отправить...

– У него двадцать пять лет выслуги. У меня тоже, – усмехнулся подполковник. – Ни я, ни он, без пенсии не останемся. Даже если вы меня под статью подведете, все равно. По закону не положено. А с этой ... шпаной, решим вопрос... Обещаю.

Мне понравился подполковник. Чем-то он напоминал моего знакомого, ныне уже, увы, покойного, полковника Горбунова, бывшего начальника УВД моего города. Фронтовик, имевший боевые ранения и ... три инфаркта, полученных из-за его принципиальности в отношении с партийным начальством. Горбунов, помнится, сказал такую вещь: «Будь у меня такой подчиненный, как Глеб Жеглов – уволил бы сразу! Грош цена оперу, который не может отправить вора в тюрьму законными методами!»

Наша группа захвата терпеливо сидела в бронированной «газели». Этих парней я помнил – они отбивали меня из лап разъяренной девицы и «неандертальцев». Сидеть по жаре в брониках – нужно иметь большое мужество. Забираясь в машину, генерал изрек:

– Смелый мужик, полицейский этот... Не быть ему полковником.

– Может, к себе возьмете? – предложил я. – Не поверю, что это невозможно.

– Ну, теоретически – переманивать офицеров из одного ведомства в другое нельзя. Практически... Можно, но не стоит. Пусть в полиции нормальные парни работают, а не только хрюндели. – Повернувшись к парням, генерал спросил: – Ну, орелики, фитиль я вам позже вставлю. Куда киллеров дели?

– Я сейчас с нашими связывался, – доложил старший группы, которого все звали Кум. – Живого, с огнестрелом, «скорая» в больницу повезла, а второй, которому в лоб засветили, так и лежит – «труповозки» ждут. Чем это вы его? Камнем, что ли? – Да вот, майор наш, инициативу проявил... – недовольно буркнул генерал, косясь на меня. – Говорил же – живым надо брать, а он...

– Так нужно было товарищу майору табельное оружие дать, – предложил Кум. – Как же он без оружия-то?

Я смущенно потупился, а генерал заржал. Видимо, сказалось-таки нервное напряжение. И не поймешь, что больше «напрягло» моего начальника – покушение или, «теплый» прием. Но к счастью, генерал не стал меня «сдавать» парням, а иначе – позора не оберешься...

– Поехали, – махнул рукой генерал. – Отвезем товарища майора в офис, а сами кое-чем займемся.

Группа захвата была не очень-то в курсе, почему какому-то майору положен собственный офис, но вопросов генералам парни задавать не привыкли. – А мне что делать? – поинтересовался я.

– Кабинет осваивай. Кофе пей. С Ксюхой поговори, – пожал плечами Унгерн. – Вспомните родную школу. Да, – вдруг вспомнил генерал: – А где твои «ксивы»? Их же у тебя две должны быть.

– Только одна. Та, что в высоком кабинете получил, – вытащил я из внутреннего кармана свою красно-золотую (слегка подмоченную в болотах!) «ксиву» Полномочного представителя Президента. Не раскрывая, показал начальнику.

– А менты, они что, ее не нашли? – удивился генерал, а потом догадливо хмыкнул: – Опять твои фокусы?

– Н-ну, вроде того, – неопределенно отозвался я. – Не хотелось мне этой «ксивой» трясти, вот ее и не заметили. А «гэбэшную» я так и не получил.

– Надо забрать, – сказал генерал. – Давно в отделе кадров лежит. Пригодится может.

– Получим, – пообещал я, хотя не очень еще понимал – какая польза от новой «ксивы».

– Подожди, – вспомнил генерал. – Тебя же при мне обыскивали. И не нашли? Как так? Глаза отвел? Не, каково, а!

На изумленный возглас генерала откликнулся один из спецназовцев:

– Я, когда маленький был, в деревне жил, а по соседству – бабка-ведунья. Не помню уж, как ее звали. На приворот-отворот ворожила. К ней, бывало, девки ходили, чтобы парня присушить. А бывало и наоборот – парни, если девка не нравилась. Так бабка эта, так делала, что девка того парня и не замечала...

– У нас тоже одна бабка ведунья жила, – вспомнил Кум. – Самогонку гнала чистейшую, как авиационный керосин. Ее бабы бить пытались, чтобы мужиков не спаивала. А участковый – тот вообще бедный был. Раз сто, наверное, пытался поймать – глухо! Придет, бывало, с понятыми аппарат искать, а бабка ему глаза отведет. А потом его понятые под белы ручки домой ведут...

Под общий хохот мы подъехали к офису. Я вышел, пошел к дверям, а «газелька» куда-то уехала. Ну, генерал знает, что делает...

– Вы куда, гражданин? – преградил мне дорогу один из «секьюрити», когда я вытащил пропуск.

– Сюда, – кивнул я на турникет.

– А... – открыл рот охранник, но, всмотревшись, отступил в сторону и вытянулся в струнку: – Извините, товарищ полпред, не узнал...

– Вольно, – кивнул я, проводя полоской по магнитному замку. – Можно меня Олегом Васильевичем меня звать.

Ожидал какой-нибудь пакости, вроде блокировки или выхода из строя всей системы, но турникет послушно ушел в стороны. И чего вдруг охрана засуетилась?

– Олег Васильевич, а чем вы замок открыли? – испуганно спросил охранник.

– Как чем? Тем, что дали, тем и открыл, – удивился я и посмотрел на пропуск... М-да... Так и думал, что перепутаю... Вместо пропуска открыл электронный замок кредиткой.

Оставив «вохропочовцев» застывшими от удивления, поднялся на второй этаж, в свой кабинет. Окинув взглядом приемную, невольно попятился – за столом

сидела Ксюха, бледная, как осенняя поганка, но с пистолетом в руке. Мелькнула мысль – закрыть дверь и бежать вниз, к охране. А уж пусть они сами разбираются. «Не успею!» – грустно констатировал я. А получать пулю в спину не хотелось. Но сблизиться с девчонкой, хотя бы на шаг («Каратистка? А мне – по фиг!»), я тоже не успевал. И кинуть, как на грех, было нечем...

– Ладно, вот он я, – усмехнулся я с горечью. – Можешь стрелять.

– Я...я... не в вас хотела... – пролепетала Ксюха и поднесла пистолет к виску.

В один прыжок я пролетел приемную, выбил пистолет из рук девчонки и закатил ей такую затрещину, что у меня у самого в ушах зазвенело. Прихватив с собой пистолет, чтобы ей не пришла в голову какая-нибудь глупость, прошел в кабинет. Вроде, там должно быть зеркало. Только, где же оно?

Зеркало отыскалось там, где и положено – в комнате отдыха, примыкавшей к кабинету. «Живут же люди!» – позавидовал я, осматривая апартаменты, еще не задумываясь, что они мои. Там был кожаный диван, мини-холодильник и столик с кофейным аппаратом. Не удержавшись, сунул нос в холодильник. Возмутило, что он оказался пустым. «Надо Ксении разнос устроить! – отметил я с пробудившейся начальственной брюзгливостью. – Пусть хоть пельменей купит, колбасы...». Но больше всего мне понравилось, что к комнате отдыха примыкал и «санблок» – душевая кабинка и туалет, причем, отдельные!

«Да тут жить можно!» – возликовал во мне учитель, привыкший жить от зарплаты до зарплаты, а не человек, с приличными деньгами и полномочиями.

«Хорош полпред...» – уныло думал я, разглядывая себя в зеркале. Левую половину «представительской» физиономии занимал фингал, уже начинающий синеть, а правую – ссадины и царапины. Куртка и брюки зияли непонятными дырами и перемазаны. Решив освободиться от «сбруи» – пистолет-то все равно утерян, скинул куртку и обнаружил, что рукав у рубашки оторван (когда и успел?). Побывал в отделении полиции, называется! Когда выбрался из логова цвергов, выглядел приличнее. Увидел бы меня сейчас гарант Конституции, стопудово, лишил бы всех мандатов и полномочий... «И переодеться не во что», – загрустил я. Махнул рукой, разделся и пошел под душ.

После прохладного душа стало гораздо лучше. Даже физиономия в зеркале понравилась больше. Только, синевы стало еще больше... Натянув на мокрое тело драную одежду, сделал себе памятку обзавестись сменным гардеробом.

Выглянув в приемную ... Чувствовалось, что Ксюха успела всласть нарыдаться, но еще не остановилась и, сейчас будет продолжение... Увидев меня, всхлипнула: – Мне уже все равно никто не поверит! А сыворотку колоть будут, так лучше самой застрелиться...

– Ага, непременно застрелишься. Из ухвата. Попозже только, – примирительно сказал я и попросил: – У тебя ничего нет, чтобы синяки свести? Бодяга, какая-нибудь...

Как ни мешали слезы, но свое дело она знала. Ксюшка вскочила, ринулась к шкафу и вытащила из него большую коробку. Откинув крышку, принялась выгребать содержимое. На пол полетели какие-то пакетики, бутылочки, тюбики. – Есть! – торжествующе прокричала девушка, демонстрируя баночку, вроде майонезной, в которой темнело какое-то подозрительное содержимое.

– И что сие? – поинтересовался я с недоверием.

– Специальная паста для сведения синяков, заживления ссадин. От ожогов помогает. На вид, конечно, не очень, – призналась Ксюха, сдирая с горлышка вощеную бумагу. – И на запах... – принялась девушка, отвернув в сторону носик... – Ее мне спецназовцы «презентовали», когда на стажировке была. Мы по горам лазили, я себе все коленки сбила. А пастой помажешь – и боль пройдет и ссадины к утру заживали. А еще – у меня же от тренировок все костяшки были сбитые, а теперь – чистенькие. И от комаров хорошо... «М-да, все комары от одного запаха разбегутся...», – вздохнул я, но деваться было некуда. «Амбре», конечно, то еще. Не то –дохлая мышка за плинтусом, не то – котик пописал... Ну, авось выветрится.

– Давайте, – воинственно повернулась ко мне Ксюша, зачерпнув пальчиками «волшебную» пасту.

Я подставил свою драную физиономию, а Ксюшка, старательно и нежно принялась втирать в ссадины и ушибы «чудодейственное» снадобье. И, действительно, боль отступила.

Не удержавшись, взял ее ладонь, не по девичьи, жесткую и поцеловал. Девушка смутилась и принялась собирать раскиданные лекарства. Небрежно захлопнула крышку, засунула коробку в шкаф и повернулась ко мне:

- Олег Васильевич, вы тоже меня «кротом» считаете?

- А почему тебя кто-то должен им считать? - ответил я вопросом на вопрос.

- Это же очевидно, - жестко усмехнулась девушка. - Камеры в вашем кабинете... Потом - покушение у кафе. А кто знал про кафе, кроме меня?

- Давай, там поговорим, - кивнул я на дверь в свой кабинет. Приемная не казалась надежным местом.

Я не стал занимать начальственное кресло, сел на стул и кивнул Ксении на место рядом.

- Пистолет верните, - попросила она. - Если сомневаетесь - можете обойму забрать.

- У тебя в ящике еще одна, - усмехнулся я. - И «зачка» где-нибудь лежит.

- Откуда? - ненатурально вытаращила на меня глазки Ксюша. - Нам патроны на стрельбы по счету выдают, каждую гильзу проверяют.

- Ксения, не смей меня. По нормам - две обоймы положено. Одна в рукоятке, вторая в столе где-нибудь. А зачка... Чтобы оперативному работнику, хоть он под секретаршу работает, патрон-другой не умыкнуть? У тебя, с той же стажировки, не меньше обоймы осталось, да? А насчет табельного оружия, будем считать, что ты его мне на хранение сдала. Я расписку напишу. Так, мол и так, майор госбезопасности Кустов О.В. взял на временное хранение табельное оружие старшего лейтенанта... Ну и так далее...

- Весельчак вы, Олег Васильевич. Каким в школе были, таким и остались, - покачала головой Ксюшка. - А мне не до смеха. Я же знала, куда работать, то есть... - поправилась она, - куда служить иду. Нам на Высших курсах показывали, что с человеком укол делает. Извините за грубость, но из всех

щелей течь будет, а потом уже крыша поедет. А потом что? Дурка, до конца дней? Меня сегодня же в оборот возьмут. И вы заступаться не станете. Вон, как вы вскинулись, когда пистолет увидели. Решили, что я сейчас в вас стрелять начну?

- А ты поставь себя на мое место. Ты только что отбивалась от киллеров, потом - тебя промурыжили в полицейском участке. Ты идешь к себе, а там - дядька с пистолетом в руке. Ну, как?

- Да... Картинка... - после некоторой паузы сказала девушка. - Я что-то и не подумала... А ведь вы правы.

- Голова не болит? - поинтересовался я, начиная переживать из-за затрещин, которые «выдал» девчонке.

- Есть немного, - призналась Ксения. - Тяжелая у вас рука, товарищ полпред.

- Извини, это я так, сгоряча, - пряча глаза от стыда.

- А, ничего... - отмахнулась Ксюха. - На тренировках еще и не то бывает. А когда мне сыворотку засадят - еще и не то будет...

- Ох, Ксюшка, - покачал я головой. - Знаю я, что это такое. Штука, малоприятная.

Что такое «сыворотка правда» я помнил по собственному опыту. Когда тебя выворачивает наизнанку, голова взрывается, а боль такая, что готов стащить с себя шкуру через голову...

Ксения недоверчиво посмотрела на меня, а потом пожала плечами:

- Ну, вы-то, человек особенный. Камеры глушите, в кабинете появляетесь, неизвестно откуда. А я простая девка. Как представляю, что я кричу, извиваюсь от боли - худо становится. Но это-то еще ладно, но после сыворотки человек перестает быть человеком. У меня мама целый год в коме лежала, мы на ней памперсы меняли, обмывали. Я такой жизни не хочу! Лучше - дайте мне пистолет, Олег Васильевич. Я застрелюсь - и, всем спокойней будет.

Я почувствовал, что начинаю злиться. Такое со мной бывало очень редко. Но, как говорят, метко. Мои ученики, которым доводилось пережить приступ моей злости, долго потом ходили с опущенными глазками и прижатыми хвостами...

– Слушай, ты, маленькая дрянь! Ты еще и в жизни-то ничего не видела, а уже стреляться собралась. Никто тебя, дуру, ни в чем не подозревает! Ни я, ни Унгерн. Если застрелишься, тогда точно, тебя виноватой и будут считать. И никто никаких сывороток тебе колоть не будет. Еще, сыворотку на ее, на дуру, переводить. Пистолет ей...

На удивление, вспышка подействовала на Ксению отрезвляюще. Как пощечина на истеричку. Она заулыбалась, порозовела, а я, ворчливо, но уже мягче, буркнул:

– Не пистолет тебе, а по заднице настучать.

– Так и настучите! – яростно-весело отозвалась Ксюха, вскочила со стула и, опершись руками о стол, задрала юбку.

– Так думаешь, не настучу?! – так и взвился я. В запале, шлепнул по ее попке, обтянутой ажурными трусиками.

– Ой, не так сильно! – взвизгнула Ксюшка. – Больно же...

Я добавил. Но уже, не так сильно. А дальше... Мои руки стали действовать как бы сами по себе, сменяя трусики и, приспуская невесомую ткань вниз. «Осторожно...» – только и сказала Ксюшка, стряхивая интимную деталь с туфельки...

Может, будь это в другое время и не при таких обстоятельствах, то я помнил бы о табу – «учитель-ученица» и, неважно, что ученица уже давным-давно закончила школу. Видимо, такая «разрядка» потребовалась нам обоим. Ну, а кто бы из мужчин устоял, если он не Боря Моисеев?

– А вы мои трусики порвали, – обличительно заявила Ксюшка, приводя себя в порядок.

- Прости, - потупился я. - И за трусики и... вообще...

- Дурак вы, Олег Васильевич, - улыбнулась Ксюшка. Подошла ко мне, нежно поцеловала, прижалась и шепнула в ухо: - А мне понравилось...

- Врешь ведь, - усмехнулся я. - Старый я уже...

- А вы и не старый... Самое смешное, что вы сейчас кажетесь моложе, чем тогда, когда я в школе училась. А ведь вам тогда лет тридцать пять было?

Еще бы. Мне самому в семнадцать, да и в двадцать лет, все, кто был старше тридцати, казался глубокими стариками. Зато - после сорока стали казаться детьми все, кому еще нет тридцати...

- Ксюш, а ты на меня не сердись? - осторожно поинтересовался я, обнимая девушку за талию.

- Я ж говорю, дурак вы, Олег Васильевич, - ответила Ксюша, обхватывая меня за шею и целую в губы. Оторвавшись, лукаво улыбнулась: - Ну, если бы я сама не хотела, как бы вы меня заставили?

- Ага, - усмехнулся я. - Ты ж у нас каратистка. Чёрный пояс. Взяла бы, вот так... - сжал я ее пальчики в «тигровую лапу» и приложил к своей груди.

- А я бы уж посильнее, - усмехнулась девушка, осторожно проведя удар. - Или, с левой! - сделала Ксюша страшные глаза, пытаясь сопроводить слово делом, но промахнулась.

Раззадорившись, девчонка пыталась достать меня и так и эдак. Потом даже сбросила туфельки и принялась «работать» ножками. Оч-чень эффектно смотрелось, как моя секретарша делала «мельницу»! Задравшаяся юбка, из под которой торчали трусики... Но, все-таки, жалея меня, Ксюшка била не в полную силу и двигалась очень медленно. Я, подыгрывая барышне, уворачивался от ее рук, проскальзывал и, время от времени, шлепал ее по попе...

- Так-так! - услышал я голос моего начальника-подчиненного, отчего едва не проморгал удар. Но, успел отойти, а Ксюшка, не рассчитав силы, упала

на пол.

- Здравия желаю, господин генерал, - поприветствовал я Унгерна, появившегося на пороге, как тень отца Гамлета.

- Извините, товарищ генерал... - отозвалась с пола запыхавшаяся Ксюха. Отдышавшись, девушка встала: - Еще раз, извините... Олег Васильевич, вы где так натренировались?

- В смысле, натренировался? - не понял я.

- Ну, вы же меня загоняли, как не знаю кого... Меня так на курсах молодого бойца не гоняли...

- Все равно, не понял? Где я тебя гонял?

- Господа офицеры, это ничего, что я вмешаюсь? - весело спросил начальник. - Ксюше - замечание, за то, что приемную оставила. Что за дела? На столе - монитор включенный. Между прочем, запись из кабинета идет... - со значением добавил Унгерн. - Я вот, зашел в приемную, посмотрел...

- А... - открыли мы с Ксюхой рот.

- Я уже самую концовку застал. Думал, подожду немножко, чтобы людей не смущать. Глянул и обалдел... Ксения по кабинету скачет, как коза. Решил, крыша у девушки съехала. Пригляделся, так и вашу фигуру заметил, господин полпред. Только - смазанную, словно не живой человек, а Бэтмен бегаёт.

- Вот и я говорю - загонял меня Олег Васильевич. У него скорость такая, что я не то, что ударить, я его увидеть не могла!

- Да? - неподдельно удивился я. - А я думал, что ты специально медлишь...

- Ага, как же, - фыркнула Ксюшка. - Вначале-то, может и да. А потом, зло взяло! Думаю, ах ты, хоть разочек, да вдарю... Разрешите идти? - застеснялась Ксюха.

– Идите, – благосклонно кивнул генерал и уже вслед за уходящей девушкой добавил: – И, выбросить из головы мысли, что тебе кто-то не доверяет или считает кротом.

– Спасибо! – не по уставному отозвалась Ксюха и выскочила.

Когда мы остались наедине с генералом, я почувствовал себя неловко. Вернее, почувствовал, что мне сейчас будет втык. И, не ошибся...

– Ты что творишь, майор?! Тебе что, кроме подчиненных трахать некого, а? Подождал бы до вечера, съездил на Тверскую. Мне же теперь девчонку придется куда-нибудь переводить. Куда-нибудь, поближе к вашей исторической родине. В Белозерск, на рыбоконсервный завод... Чтобы секреты врагу не достались.

– А зачем нашим врагам тайны консервирования? – спросил я генерала.

– Вот и я думаю, зачем им такие тайны? Мне ж, в принципе, не жалко. Не мое это дело, да и кабинет, в общем-то, ваш, господин представитель.

– А разве я на мониторе был? – слегка удивился я.

– Ты – нет, – не стал врать генерал. – А вот Ксения – да, была. Радуйся, что ни один враг не скажет – чем это таким девушка занималась. Может, репетировала?

– А генерал-майор Унгерн догадался? – усмехнулся я уже веселее.

– Ну, несложно было догадаться. И не радуйся... Мало ли, что тебя не было видно. Знаю по печальному опыту – не своему! – что такие вот... отношения, ни к чему хорошему не приводят...

Мне хотелось шаркнуть ногой, понурить голову и, как нашкодившему школьнику ответить: «Я больше не бу...», но решил промолчать.

– Да, а чего тут «Макар» лежит? – углядел шеф пистолет, который я сунул на подоконник. – Вы что, перестрелку хотели затеять? Это ж, Невוליной пистолет.

– Ксюшка стреляться хотела, – «заложил» я девчонку.

Унгерн, приложив палец к губам, показал на объектив.

– Не работает, – улыбнулся я. – Только, не спрашивай, господин генерал, почему. Сам не знаю почему, но знаю, что не работает.

– М-да... Ну, ладно, проехали. Стресс сняли. Знакомо. Я теперь и другое понял. Кстати, пистолет забери.

– В чем это он? – взял я из рук начальника свой АПС. Вся рукоятка была в чем-то коричневом и липком...

– Как я понимаю – в мозгах... Ничего, отскребешь, отмоешь... Ты его так засадил, что полчаса вытащить не могли. В лоб, словно из помповухи пальнули. Но лучше тебе что-то другое завести. Молот там, боевой. Томагавк. Я думал, как это ты умудрился того злодея завалить? Он же, по любому, тебя застрелить должен был. Ну, не может человек бросить предмет так, чтобы он летел быстрее пули. Тут, извини, физика. А посмотрел, как ты с Ксюшкой «воевал», скорость твою оценил и понял, что физику я плохо учил. Либо, ты уже не человек.

Глава третья

Отдых после боя

– Ну, поехали майор, поехали... – вскочил Унгерн с «гостевого» стульчика. – Я же обещал тебя настоящими пельменями накормить.

Я в задумчивости посмотрел на монументальные часы, показывавшие четыре ... виноват, шестнадцать часов. Батюшки, так и всего-то четыре часа прошло?! Точно помню, что обедать уходили в двенадцать. За каких-то четыре часа

успели пообедать, «повоевать», посидеть в «обезьяннике»... А потом еще кое-что...

С готовностью вскакивая из-за стола, я все-таки поинтересовался:

– А до сколько у нас рабочий день?

– Выедем позже, в пробку попадем, – озабоченно отозвался генерал, не соизволив ответить на вопрос. С другой стороны, кто мне будет устанавливать рабочий день? Да и кто знает, есть я на службе или нет?

Генерал стремительно прокатился по приемной, на ходу сделав ручкой Ксении. Мне пришлось напрячься, чтобы не отстать. Куда и девалась хваленая скорость?

Выкатившись на крыльцо, Виктор Витальевич махнул указательным пальцем и побежал в сторону служебной стоянки. Огибая крутые тачки (В марках не силен и, «БМВ» от «Мерседеса» не отличу, но не на «Жигулях» же в «конторе» ездят?), генерал подвел меня к солидной – даже я понял, что недешевой – машине темно-вишевого цвета, с надписью «Форд» на решетке. Нежно погладил ее по крыше, а потом, углядев что-то нехорошее, сердито заурчал и полез за носовым платком. Не дотянулся.

– Сволочи! Опять нас...ли! – выругался генерал.

Сдерживая смех, я забрал у начальника платок и вытер какашку.

– Вчера на мойке были. Мне ее с шампунем драили, а эти, крысы летучие, – пожаловался Унгерн и погрозил кулаком в сторону «символов мира», расхаживающих тут и там. – На грязную не гадят...

– Голубь знает, куда какать! – глубокомысленно изрек я, пытаюсь вернуть генералу грязный платок, но тот лишь брезгливо отмахнулся, показывая – выбрось, куда-нибудь... Скомкав платок, запустил им в голубей. Жаль, ничего тяжелого в нем не было – не долетел.

– Садись, товарищ полпред. И пристегнуться не забудь, – поерзал генерал в кресле.

Унгерн не пытался ни превысить скорость, ни обогнать кого-либо. Вел уверенно и аккуратно. Кажется, даже все правила соблюдал. Опять-таки, мне «безлошадному» сложно судить. Ехали молча. То есть, о делах не говорили. Да и кто будет говорить о делах в машине?

– Мне бы прибарахлиться, – сообщил я генералу, критически глянув на свои брюки и демонстрируя рваную куртку.

– Сейчас супермаркет будет. Ты – на второй этаж, где одежда, а я продуктов прикуплю... Двадцать минут хватит?

– Должно, – прикинул я.

Свернув к магазину, генерал вдруг передумал:

– Сиди в машине. Сам что-нибудь куплю. Еще за бомжа примут.

– Почему за бомжа? – обиделся я. – Не такой уж и бомжеватый. Ну, драный слегка.

– Драный – ладно. Но пахнешь, словно год на помойке жил. Тебя Ксюшенька чем намазала? Пастой чудодейственной? От ушибов и прочего?

– Н-ну, – кивнул я, задумчиво приносиваясь к себе. А ведь и впрямь... воняет! Как-то и забыл...

– Ей, дурочке, не сказали, что эту мазь только в полевых условиях можно использовать. Медвежий жир, бодяга, кровохлебка...

– Кто? – удивился я.

– Трава такая, кровохлебка. Кровь останавливает, – пояснил генерал. – Штука неплохая, но лучше на свежем воздухе... Медвежий жир – он и свежий воняет, будь здоров, а когда полежит – труба! Я всю дорогу нос в окне держал, а все равно... Круче только сенная труха на кобыльей моче... Зайдешь, такой... вонючий – от тебя все продавцы разбегутся и охрану вызовут. Не будешь же «ксивой» размахивать?

– Сколько? – поинтересовался я, вытаскивая пухлую пачку.

– А в сейфе оставить не мог? – вздохнул генерал. Вытащил из пачки пару бумажек по пять тысяч, критически посмотрел на меня: – Ага... сорок восьмой-пятидесятый, рост ... почти сто восемьдесят.

Я вздохнул, провожая взглядом спину генерала. Вроде, чего жалеть? Особо не убыло. Но когда первый раз в жизни держишь в кармане полмиллиона, начинаешь переживать из-за каждой тысячи. Наверное, потому богатые люди и богатые, что им жаль расставаться с деньгами...

Сидел в машине, выходить было лень. Воровски закурил, пряча сигарету в кулаке. Мало ли, охрана на стоянке увидит, начнутся претензии.

Прежнего удовольствия дым не доставил, зато – стал не так заметен запах «волшебной» пасты. Вот, не сказал бы генерал, не заметил бы... Странно, обычно как раз отличаюсь чувствительностью к запахам. «А еще, – усмехнулся я мысленно. – А как барышня со мной целовалась-то, с таким вонючим? Из-за стресса? Или, верно говорят, что от мужчины должно пахнуть чуть слабее, чем от козла?»

Пытаясь отогнать от себя мысли о Ксюхе и ее обонянии (в конце – концов, ее проблемы) поймал себя на том, что совсем не думаю об измене. М-да... А кому я, собственно говоря изменил? Первой жене, с которой прожил больше двадцати лет и которую очень люблю? Машке, которая, тоже моя жена и которую я тоже люблю? Обоим?

«Обеим!» – ехидно поправили меня остатки того, что когда-то называлось совестью. В Застеколье, помнится, совесть вспоминал, «плакался» Ярославу. Потом, успокоился. «Не я первый, кто живет на две семьи. Не смертельно!» Если есть возможность (финансовая, прежде всего), то какой мужик ... фу, терпеть не могу этого слова, но «мужчина» тут не подходит. Ладно. Какой самец не хотел бы иметь двух жен? Обычно, проблемы возникают из-за того, что какая-то из жен узнает о существовании соперницы. Если иметь жен в разных странах, так они ничтожно малы. В моем случае, семьи существуют в разных пространствах.

Но семья – это семья. Одна, две – кому как повезет. В прежние времена, когда у меня случался... скажем так, некий загул «налево» (не сумел «отказать» одинокой коллеге, которую провожал после вечеринки или, сам же эту коллегу и уговорил ... не суть важно) месяц, не меньше, маялся. Не то – угрызениями совести, не то – дурью. А сейчас мне было как-то, «по барабану». Равно как и то, что несколько часов назад проломил череп человеку. Может, Унгерн прав, задаваясь вопросом – а человек ли я? Куча открывшихся возможностей. И, не исключено, что это не все. Трудно сказать, хорошо это или плохо. Придется терпеть. Или, говоря по-умному, принять как данность... «Впрочем, – утешил я сам себя. – Кое-что во мне от человека осталось. И, не просто от человека, а от «бюджетника», привыкшего считать копейки. Ну и еще... Сам факт того, что я еще занимаюсь «самокопанием»

Наконец-таки явился и Унгерн. Забрасывая на заднее сиденье целую охапку пакетов, сказал:

– С тебя еще две тысячи... – Чего уж такого и закупили-то? – возмутился я, но покорно полез за деньгами. Вообще-то, мог бы и простить две тысячи, не разорился бы, товарищ генерал.

– С запасом брал, – ответил генерал. – С меня бери пример. И, точно – одежда самого Унгерна была безупречна. А я уж было подумал, что пресловутая немецкая аккуратность спасает даже в «каталажках». А он просто запас имеет.

– Мы вообще, куда едем-то? – поинтересовался я.

– Пельмени лепить, – отозвался генерал. – А ты что подумал?

А я бы не удивился, если бы Унгерн, вводя в заблуждение «врагов», рванул бы сейчас к тому самому заветному месту, на полянке, где должны были приготовить трупки цвергов. По хорошей дороге (вроде, дорога от Москвы до Грязовца неплохая), часов за пять-шесть осилим.

– И в зеркало не поглядывай – никто за нами не едет. Группу захвата я распустил, оперативники в разгоне, работают, а личной охраны мне не положено.

– А мне? – поинтересовался я.

- Дашь задание Ксюхе - она узнает. Только, тебе оно надо?

Я представил, как мордвороты в костюмах, выскакивают, открывают мне дверку, прикрывая телами мою «полномоченную» фигуру. Бегут впереди меня, пугая кошек и изумляя бабушек на скамейке, переговариваясь: «Первый-первый, я второй. Вхожу в подъезд. Всё чисто. Заводи объект!» Стало смешно.

- Вот-вот, - одобрительно отметил генерал, хотя и не смотрел на меня. - Цирк тебе устроят, а толку? Не помню, чтобы кого-то от снайпера уберегли, если ты не по первому списку идешь. Тут - оцепление, вертолеты, проверка. Но по первому списку только первые лица идут.

Мы въехали в маленький дворик, окруженный пятиэтажками. Не зная, даже и не скажешь, что это Москва. Чистенько. Тихо. Ну, дети галдят, так это хороший шум... Разве, что - въезд во двор преграждали штыри, которые Унгерн убрал нажатием пульта. Штука удобная. Не то, что мой проходной двор, через который катаются все, кому не лень. Но и штырями меня не удивить - видел в нашем «поселке» для «новых русских». Может, самому туда перебраться? Пожалуй, с такой зарплатой возможно. Да что мелочиться? Можно и в столицу переехать!

«Знать, столица та была, недалеко, от села, - вспомнился почему-то «Конек-Горбунок». И чего вспомнился? Видимо, подспудно знал, что жить теперь мне придется в Застеколье, а жена и дочь - пусть сами решают, где им жить. В столице ли, еще где. Надо будет решать...

«Тьфу ты! - разозлился я на самого себя. - Кто тут недавно уговаривал себя, что это все - нормально? Интеллигент, хренов...»

- Пакеты возьми, - кивнул генерал на покупки.

- Ну, ни хрена себе, нашел носильщика! - возмутился я, забирая пакеты.

- Ничего, от самонадеянности помогает, - насмешливо обронил Унгерн, придерживая дверцу. Недовольно покрутил носом: - Навоняли вы, товарищ полпред... Ладно, выветрится...

Виктор Витальевич запер машину, по-хозяйски оглядел двор и важно, брюхом вперед, пошел, не оглядываясь. А я, майор и полпред, тащился за ним, как ... не знаю кто! «Пятиэтажка» оказалась не так проста, как показалось вначале. В просторном фойе, перед компом сидел охранник и разгадывал кроссворд. (Опять, «вохропочовец»!) Завидев генерала, он даже сделал вид, что пытается встать. В мою сторону парень только носом покрутил, но ничего не сказал.

- Вот тут я и живу, - обронил генерал, вводя меня в просторную прихожую. - Ванна - там. Мусорный пакет - тут. Упакуешь свои лохмотья.

Пока я мылся, пытаюсь хозяйскими гелями смыть с себя «волшебные» запахи, одевался в обновки (генерал, не мудрствуя лукаво, прикупил мне несколько пар джинсов, рубашек и джемперов с куртками) на кухне уже шла работа - шумела электромясорубка, замешивалось тесто, что-то шкворчало... Унгерн, в белоснежном фартуке, священнодействовал - нарезал лук!

- Ну и личико у тебя... Олег Васильевич... Вон, бальзам возьми.

Прочитав название «Санта-Рокко», принялся. Пахло гораздо приятнее, чем от кровохлебки с прогорклым жиром. И, кажется, зуд и жжение унялось окончательно.

- Садись. Если пить хочешь - в холодильнике клюквенный морс, - смахнул генерал «непрошенную» слезу.

Пить мне не особо хотелось, но в холодильник заглянул из чистого любопытства. В принципе, всё то же самое, что и в обычных. Яйца, банки-бутылки. Одна из полок была заставлена пластиковыми контейнерами с этикетками.

- Окорочка... Котлеты... Печень... - читал я вслух... - Кура...

- Это супруга заботу проявляет, - пояснил генерал в некотором смущении, но, вместе с тем, с долей гордости. - Уж сколько раз говорил - в столовой обедаю, так нет...

Странно - у генерала есть жена?! Обычно, в книжках генералы грустно смотрят на фотографию красавицы, погибшей в автокатастрофе (в «горячей» точке,

при родах) или сбежавшей от юного лейтенанта двадцать-тридцать лет назад.

- Отдыхает супруга? - рассеянно поинтересовался я, готовясь услышать, что госпожа генеральша пребывает где-нибудь... Ну, если не на Канарах, то хотя бы в Турции. Хотя, сейчас патриотичней Сочи или Крым.

- Можно и так сказать. Дражайшая на пенсию вышла давно, по «вредному» стажу. Рентгенолог она, - пояснил генерал, заворачивая кусочки фарша в тесто. - У нее от родителей дом остался, земли кусочек соток двадцать. Пока работала, только детей на лето туда возила. На пенсию вышла, как прорвало. К земле потянуло! Как весна начинается - я волком вою! Рассада, горшки... потом, грядки, - поморщился генерал и потёр поясницу.

- И, что, генералы грядки копают? - уставился я на начальника.

- Копать - это фигня, - авторитетно отмахнулся Унгерн. - Самое поганое - капусту полоть. Хорошо, в командировки часто езжу, а то бы так и умер на грядках. И дети, от работы уже шарахаются, не хотят помогать...

Тут я не выдержал и заржал.

- Ага, смешно... - обиженно отозвался Виктор Витальевич и сокрушенно добавил: - Я ей сколько раз предлагал плюнуть на все это дело. Говорю - ну, зачем тебе это? Давай, как все люди, построим домик, такой, скромненький, в два этажа... Бассейн, сауна. Зачем тебе столько картошки? А лук куда? Понимаю - клумбы, цветочки... Ну, ладно, клубника-земляника. Перед коллегами стыдно! Полковник ГБ, с прошлого года - целый генерал! Дети - сын с дочкой, у них уже свои семьи, стыдятся знакомым сказать, что у их папеньки, вместо виллы дом в деревне. А супруга - не хочу я никаких коттеджей, никаких особняков! Какая сауна, если баня есть? И зачем бассейн, если река рядом? И тебя, говорит, на старости лет хоть не посадят... Единственное, что убедил сделать - так это бойлер поставить. Не мальчик, каждый год дрова кубометрами колоть. А когда новый «Форд» покупал, что было?! Говорю - нельзя двадцать лет на одной машине ездить, разваливается, да и перед подчиненными несолидно! Я своего первого «Форда» из Германии пригнал, еще старлеем был... Хорошая машина, надежная. Мне ее коллеги из «Штази» «подогнали», когда фамилию услышали... Она по ней, как по любимой корове, убивалась!

– Нет, Виктор Витальевич, – отсмеявшись, еле выговорил я. – Конечно знал, что ты у нас большой оригинал, но чтобы супруга генерала копалась на грядках, да еще и мужа «припахивала»? Фантастика!

– Сплошная суровая действительность. А по фантастике ты спец, – огрызнулся генерал.

– Ну вот, началось, – поморщился я, ожидая очередной порции подначек на тему раскрытия государственных тайн в фантастическом романе.

– Да я ничего такого и не имел в виду, – пожал плечами генерал, убирая налепленные пельмени в морозилку. – Ты в отчете про дракона написал, а в книжке не обмолвился.

– На дракона места не хватило, – пожаловался я. – Я пять «алок» сократил.

– Алка, это что? – не понял генерал, принимаясь за мытье мясорубки.

– Авторский лист, – любезно сообщил я. – Сорок тысяч печатных знаков. Ну, примерно двадцать три листа формата А-4. Редакции сейчас требуют, чтобы книга была от двенадцати до четырнадцати «алок».

– Пожалуй, оно и к лучшему, что сократил, – хмыкнул генерал, протирая стол. – Иначе, еще бы что-нибудь выболтал... Но про дракона ты напиши. Внукам нравится. Не про китайского, так хоть про «приокского». Говорят, возле Каширы дракона видели... Откликается на кличку Борька. Вроде, делали эксперимент с мышами, а получился дракон.

– Да ну? – удивился я.

– Вот тебе и ну, – развеселился генерал. – Знаешь, сколько всякой ерунды приходится разгребать? Пусть даже и из психушки. Так сразу не отмахнешься. Кстати, я тут стишок набросал, – заявил Унгерн, прокашлялся и, с легким пафосом произнес:

И Ксюша молвила уныло: А ведь решат же – «Что-то было!»

Кто вякнул, там: мол, Ксюхи – дуры?! Гляди: диплом, блин, физкультуры!

Я понимаю: на обеде... Но чтоб в СЛУЖЕБНОМ кабинете?!

Пусть нет ни голоса, ни слуха... Имеет черный пояс Ксюха!

Когда девица уж разложена, Плевать, что в общем, «не положено!»

Дресс-код наш босс не отменял: его он аккуратно снял![1 - Автор стихов – Борис Давыдов.]

Я, поначалу, решил обидеться, но потом передумал. Чего на правду-то обижаться? Проямлил:

– Не знаю, чего и сказать.

– Ты лучше про дракона расскажи, – попросил генерал. – Интересно же.

Я призадумался. Вроде, было это недавно. Но тогда я еще не знал, что мне предстоит увидеть мертвого Гнома, пробитого арбалетными болтами и не увидеть, как погибнет Борис. Сейчас все были живы и бодро топали воевать с драконом.

Застеколье. Около года назад

Собственно говоря, дракон никому ничего плохого не сделал. Летел себе куда-то по своим драконьим делам и, летел. Потом – решил отдохнуть. Подумаешь, перед тем, как сесть, съел пару бестолковых коров и спалил пару скирд с сеном. Но место для посадки выбрал неудачно – прямо в болотце. Сверху-то оно казалось идеальной площадкой для посадки. Почти аэродром, только без сигнальных огней!

Какое счастье, что кикимора и большая часть ее выводка в это время находились в гостях у кумы, в соседнем болотце. Правда, кое-кто из игошей сидел дома. Но это мелочь. Одним больше, другим меньше... Считать кикимора все равно

не умела.

Теперь – о драконе. Сел. И, засосало его болото аж по самую шею. Лапы и крылья в воде. Из болотной тины точит глупая голова и печальными глазами смотрит на окружающий мир. Бедолагу сдавило со всех сторон и упорно тянуло на дно...

Постепенно к болотцу стала подтягиваться попрятавшаяся ранее нечисть. Из гостей притащилась кикимора со своей оравой хулиганов. Игоши стали бросать в дракона шишками и палками. Не остались в стороне и лешие. Один из них, выломав длинную палку, стал тыкать ею в морду ящера, норовя выколоть глаз. Но дракон лишь опустил бронированное веко.

Кикимора начала операцию по всем правилам военного искусства. Игоши, с шишками и камнями, используя складки местности, передислоцировались поближе. В арьергарде находились лешие. Несколько водяных блокировали подход к болотцу со стороны, впадающей в него речушки.

По сигналу кикиморы началась атака. Но летящий хлам серьезного ущерба причинить не смог. Тогда лешие подтащили к краю болота здоровенную сосну и приготовились уронить ее на голову звероящера.

Дракон был профессионалом. Он подождал, пока неприятель не подойдет ближе и,дохнул... Сосна вспыхнула и разлетелась, разнося горящие куски древесины.

Понеся потери, армия леших и игошей, отступила – лечить обожженные части тела, вправлять вывихнутые и сломанные конечности. К сожалению, несколько погибших игошей и один лешак регенерации не подлежали... Наспех собранный военный совет решил ждать полуночи, когда подтянутся упыри с арбалетами. А супротив железных болтов броня дракона не потянет...

Пока нежить вела борьбу с драконом, жители ближайшей деревни прятали скарб и отгоняли скотину в лес, в укромные уголки, куда не то, что дракону, но даже и княжеским сборщикам дани не добраться... Мужики, спешно оборуужались, а потом, построившись в редкую колонну, пошли к Цитадели, где выстраивалась и наше воинство.

Таскать на жаре кольчугу, напяленную на подкольчужницу – свитер двойной вязки – удовольствие небольшое. Шлем падает на глаза, по заднице стучит кистень, а руку неприятно оттягивает рожон. Как хорошо, что никто не видел моего глупого и, жалкого вида. Мужики же, смеяться не стали, а напротив – один из соседей забрал из моих трясущихся рук щит, а другой, понес мой рожон.

Пока шли, народ озабоченно переговаривался.

– Здоровый зверюга, двух коров слопал и не поморщился, – покрутил головой Гном.

– Поведится гад, совсем нас без скотины оставит, – сумрачно сказал один из поселян, мне незнакомый. – Если по две коровы зараз...

– Интересно, а мясо у него вкусное? – поинтересовался кто-то.

– Хорош, глупости говорить, – оборвал разговоры Ярослав, – Лучше по сторонам глядите. В драку сразу не полезем. Проведем разведку, осмотримся. Собак – вперед!

Собаки не подвели. При подходе к болоту они принялись истошно лаять. Но дракона, сидевшего в болоте, почему-то не чуяли...

– Что-то я этого болотца не помню, – остановил всех Ярослав.

– Так это болотце некто и не мог видеть. Морок здесь был, – деловито заявил старый и мудрый Борис: – Вон, на деревьях паутины – будто специально развешивали.

Деревья стояли голые, без листвы, но затянутые в нити, как гусеница в кокон...

– Что за морок? – не удержался я. – Кто-то морочит голову? Что-то вроде дымовой завесы? Или как?

– Морок – это когда нечисть глаза отводит. Они ведь, твари стеснительные. Не хотят, понимаете ли, что бы в их владения заглядывали. А так – вроде и есть, а никто не видит. Был здесь морок, а теперь снят, – весело сообщил мне Гном.

Потом задумчиво добавил. – Не иначе дракон его порушил.

Мы вышли на край болотца. Огляделись. Потом стали потихоньку разбредаться, кто куда. Дракон – не заяц. Если не сам, так хоть след должен остаться, туша – не малая, не то, что траву помять – деревья повалить может. А не видать...

– Парни, так вот же он! В болоте сидит! – яростно прокричал Гном, а потом – резко оттолкнул меня в сторону и сбил с ног. Я даже не успел обидеться, как остальной народ резко рассыпался и залег...

Дракон понял, что обнаружен. Терять ему было теперь нечего. Открыл пасть идохнул. Но, увы... Вместо пламени вырвался полузадавленный хрип, что-то среднее между покашливанием и хрюканьем. Холод болота остановил химическую реакцию в драконьем брюхе... Поняв неизбежное и смирившись, дракон прижал уши и закрыл глаза...

Мы сообразили, что огневой запас неприятеля иссяк, поэтому приблизились к болотцу почти без опаски. Посмотрели на врага. А воевать было не с кем. Из грязной тины торчала огромная, безобразная, но почему-то вызывающая жалость голова.

– Что делать будем? – спросил растерянное воинство вождь.

– Может, добьем? – предложил Брясло. – Подвести к нему жерди и бревна, а потом – по голове камнями. И, пусть подыхает гад.

– Нет, мужики, не по-людски это будет. Хоть и дракон, но нельзя беззащитного добивать, – вступился сердобольный Гном. Я, хоть и был еще сердит от его тычка, решил поддержать защитника обиженных драконов:

– А может, он в «Красную книгу» занесен? А мы, как последние варвары – камнями по голове. Уничтожим ископаемого.

Мое высказывание здорово развеселило народ.

– Ты, в наших краях, таких редкостей еще насмотришься. А уж если их чуть больше будет – нас самих в «Красную книгу» занесут, – сквозь хохот промычал

Ярослав. – Как очень редкий вид еды для драконов....

Но когда отсмеялись, решили, что дракона добивать не будем. Но оставлять в болоте – это оставлять на медленную смерть. И что же делать? Хорошенько подумав, мужики решили вытаскивать.

Застучали топоры. Чтобы добраться до зверя, начали рубить деревья и делать гать. Из деревни, благо, что недалеко, прибежали гонцы с вожжами и веревками. Из срубленных бревен проложили гать – дорожку к голове дракона, набросали бревен и жердей вокруг. Теперь нужно сделать самую ответственную работу – подвести веревки под туловище. Никто не знал размеры дракона даже примерно – в болотной тине не разглядишь. Брясло, уже забывшему кровожадные планы, пришлось взять длинную жердину и прощупать все вокруг. Наконец его слегка уткнулась в задницу зверя. Теперь – как подвести веревки? Лезть в болото желания не было. Сообразительный Борис придумал привязать к веревкам камни. Привязали и притопили. Осталось самое тяжелое: вытащить дракона из болота. Такую тушу тащить – пупок надорвешь. Мудрые головы предложили привести коней. Первоначально, идею приняли с восторгом. Потом подумали и отказались. Во-первых, для лошадей придется вырубать еще большую просеку, а это долго. Во-вторых, лошадей жалко. Как-нибудь сами.

По команде Ярослава все дружно разобрали веревки...

– И... раз. И е-ще-е раз, – начал он командовать. И все мы вместе уже, дружно, почти весело рыкнули: «И р-ь-а-з-ь». А в головах у нас одна мысль «Тяжелый, зараза!» Но все же, он хоть и тяжелый, но мы – народ упертый. И в прямом – уперлись ногами, и в переносном. И пошел, пошел-таки родимый дракоша из болота вылезать, потихоньку, правда, с трудом, но пошел... Еще рывок – и вытащили на твердую землю!

– Ух! – в сотню с лишним голосов выдохнули мы и уронили веревки. Перевели дух, вытерли пот и стали рассматривать «улов». А смотреть-то, собственно говоря, и не на что. Огромный ком грязи, не поймешь: где ноги, где голова. От холода дракон совсем ослаб, стоять не мог, лежал плашмя. Мало того, еще и зубами стучал.

– Мужики, а ведь нельзя его здесь оставлять. Или сам сдохнет, или нежить добьет, – жалел дракона Гном.

– Точно. Может, еще и коровок пригнать, что бы с голода не помер – встрял Брясло.

Все заржали, но решили, что в лесу оставлять дракона не следует и дело надо доводить до конца.

– Давай, просеку прорубим, а зверюгу положим на катки, – внес предложение и я. – И перетащим его, как наши предки лады таскали.

Я был ужасно доволен своей изобретательностью. Хотя, как мне показалось, народ дошел до этой мысли еще раньше. Но никто не насмешничал, типа: «Самый умный, да?»

Просека получилась на славу. Срубленные деревья очистили от веток и положили в ряд, а затем втащили на катки дракона. Дальше дело пошло веселей – только успевали перетаскивать бревна. Ближе к вечеру дракон лежал на опушке леса и грелся между двух больших костров...

Мы расположились неподалеку. Закусив, и слегка выпив, войско собралось потолковать.

– Что дальше? – спросил Ярослав.

Вопрос повис в воздухе. Действительно – а что же дальше?

– Ждать, пока не оклемается. А дальше – поглядим, – выдержал паузу Брясло. – Может быть, все и обойдется...

– Чего ждать-то, гнать его, Змея Горыныча – в хвост и в гриву, – зашумел кто-то, мне незнакомый.

– А как гнать-то? – ехидно осведомился комендант-князь Цитадели. – Крылья-то у тебя, из какого места растут? Или ты его усювестить сумеешь? Если сумеешь – давай, действуй. А мы посмотрим!

Дружина притихла. Не обернулась бы боком наша доброта. Нашли приключений на свою... голову.

– Значит, так, – резюмировал Ярослав. – Дракон оголодает – полетит еду искать. Если, найдет, да сожрет животину, какую, отдыхать сядет. Вот тут мы его и прищучим. Улетит, так и пес с ним. Теперь спать...

Утром, чуть засветило, все были уже на ногах и смотрели на возможного противника. Дракон встал на все четыре лапы. Как мокрая собака отряхнул с себя засохшую тину и грязь. Повалился по земле. Встал. Не спеша, прошелся. Что-то завораживающее и притягивающее было в этом зрелище. Кто не видел – не поймет, а кому удалось – не забудет на всю жизнь. Из неуклюжей, тяжеловесной махины дракон стал превращаться в сказочно красивое существо... Разбег. Вначале медленно, потом чуть быстрее, еще быстрее.... И, пошел вверх.

Дракон сделал круг над лесом, взмыл высоко-высоко в небе и скрылся из виду...

Но не успели мы подойти к Цитадели, как увидели возвращение крылатого ящера. В голове пронеслось: «Ну, все!»

Командиры спешно рассредоточивали воинство. Все приготовились к бою, повывставляли перед собой щиты, надеясь, что они хоть как-то ослабят огненный шквал.

Лучники спешно вытаскивали из колчанов граненые бронебойные стрелы. По моему разумению, нас больше бы выручил крупнокалиберный пулемет. А еще лучше – подствольный гранатомет или «Стингер».

Ящеру же, казалось, не было дела до наших приготовлений. Когда он начал снижаться мы увидели, что в передних лапах он тащит двух рыжих коров.

Дракон подлетел и осторожно поставил буренок. Затем вновь поднялся в небо, помахал на прощанье крыльями и улетел.

Пока я рассказывал, Унгерн выставил на стол соленые огурчики, маринованные помидоры и свежую редиску, укроп.

– Жена! – пояснил генерал, словно я сам бы не догадался. – Как осень, две недели на «заготовках»! Говорит – свое полезнее, чем покупное. Ну, пока пельмени застынут, мы с тобой начнем...

Генерал вытащил из холодильника два контейнера – «Печень» и «Мясо по-карски». Я бы, на его месте, бухнул все на одну сковородку – не раздерутся! – а Унгерну, надо было непременно на разных.

– Вроде бы, всё, – осматривая стол, хмыкнул генерал. – А, самое-то главное!

Как же без «главного»? И, конечно же, водка выставлена не в бутылке, а в графине!

– Заслужили, – сообщил генерал, разливая ледяную жидкость в нормальные рюмки (а не по тридцать капель, как обычно!). – Ну, за встречу!

Выпив, захрустели. Я – огурчиком, а генерал – сочной редиской.

– Так вторую книгу написать разрешите? – повторил я вопрос.

– Горячего поешь, – кивнул Унгерн на мою тарелку, куда он успел положить печень. Дождавшись, пока не начну закусывать, сказал: – А ты на первую, разрешение просил? Вот и со второй также. Чего спрашивать? Жена читала, продолжения просит. Интересно, ей видите ли, как там у главного героя и оборотня-бобрехи... Да, а бобренка, не намечается?

Я поперхнулся, в который раз обзвав генерала «заразой». Но он, как бы теряя интерес к своему вопросу, сказал:

– Надо про дракона напечатать. Хорошая сказка. Ну, для читателя, не для тебя... Хотя, я сам до сих пор не верю...

– Напечатал я эту сказку, в газете, – признался я. – Встречаю как-то знакомого философа, а тот – как ты классно Россию в болото посадил! Как метафорично! Только, слишком уж ты хорошего мнения о нашем народе. Хрен он чего вытащит! Я ему – да не писал я о России. Я о драконе писал! А он – критик имеет право найти в произведении то, что ускользнуло от автора. Белинский, блин!

– Ну, критикам тоже кушать надо, – философски изрек генерал. – Так что, пиши... Единственное, о чем попрошу – не описывай конкретных мест и адресов не давай! Ну, коли о книге зашла речь... Почему вы так много пьете? – разливая по второй, поинтересовался генерал: – Могли бы другой способ найти, чтобы стрессы снимать. Впечатление, что там одни алкоголики. Как вы до сих пор Цитадель «неандертальцам» своим не сдали, по-пьянке...

– «Пьем много мы по времени, а больше мы работаем, трещит крестьянский пуп», – процитировал я. – Так, для образа же...

– Для образа, – фыркнул генерал, выпивая. – К наркологу отправлю и Некрасов не поможет. Ладно, сегодня можно. И стресс снимем и повод есть...

– Мне подполковника присвоили? – обрадовался я.

– Ишь, подполковника ему... Обнаглел. Дуля тебе большая, а не звездочка. Из-за тебя и так кадровик поседел. Все инструкции и приказы нарушили, когда на службу принимали, за порогом возраста, без образования, без выслуги. Года не отслужил – из капитанов в майоры прыгнул! Я сам до подполковника пять лет перехаживал. И ты в майорах походишь...

– Похожу, – вздохнул я.

– Да получишь ты подполковника, – утешил меня Унгерн и полез в морозилку. Проверив, как там пельмени, поставил на огонь кастрюлю с водой, разлил по третьей и утешил еще раз: – Получишь... В свое время. А за начальника, не хочешь порадоваться?

– Я радуюсь, – выдавил я из себя умильную улыбку. – Не иначе орденом наградили? Покажете?

С горделивой небрежностью генерал вытащил из карманчика фартука серебряную звезду, с разноцветной эмалью, на сине-красной колодке и протянул мне.

Я полюбовался на двуглавого орла и вернул награду герою.

– «За военные заслуги». Заметь – награждают за образцовое исполнение воинского долга и за обеспечение обороноспособности Российской Федерации! За это и выпьем...

Четвертую пили молча. Мне никто не объяснял, но я знал, что четвертый, молчаливый тост, за тех, кого нет с нами...

Посидели. Немного помолчали. Я не выдержал первым:

– Виктор Витальевич, у тебя в кармашке еще что-то звенело...

– У меня там... О, у меня вода закипела! – вывернулся генерал.

– В кипящую подсоленную воду... – прокомментировал я действие, тихо загибаясь от любопытства. А Унгерн, не спеша подсоллил, поперчил, подсыпал каких-то травок и, лишь тогда высыпал пельмени в кастрюлю.

– Ну, ладно, – сжалился генерал. – Тебе тоже железка положена. Заслужил! Представление давно ушло, а подписали неделю назад. Ничего, что не в торжественной обстановке? Но тебя коллективу отдела не представишь – ты особь секретная.

Я был морально готов к какой-нибудь медальке, хотя втайне рассчитывал на орден. Ну, там – «За заслуги перед Отечеством» четвертой степени. Можно и «Мужества». Но когда в мою протянутую ладонь упала золотая звездочка, с земным шариком в центре, на сине-зеленой колодке, я обомлел:

– А... почему «Дружба»?

– Радуйся, что не медаль Пушкина. Что в статуте прописано? – махнул черпаком генерал. – Орденом «Дружбы» награждают за большой вклад в укрепление дружбы и сотрудничества наций и народностей.... Что-то там еще ... а, за особо плодотворную деятельность по сближению и взаимообогащению культур наций и народностей, укреплению мира и дружественных отношений между государствами.

– М-да... – только и смог я сказать. Ладно, леших и домовых можно посчитать за нации. А вот есть ли государство у русалок – это еще вопрос!

– Нравится? – без насмешки поинтересовался Унгерн, заприметив, как я прикладываю орден к рубашке. – Я, когда первую «звездочку» – Красную – получил, чуть ли ее не облизывал... – Интересно бы на вас посмотреть, при полном параде. «Иконостас» – как у Брежнева! – предположил я.

– Да ну, скажешь тоже, – фыркнул генерал, раскладывая пельмени по глубоким мискам. – Не так уж и много. Из орденов – две «звездочки», вот – этот, еще. Медалей, за тридцать с лишним лет, много, конечно, но больше юбилейных да ведомственных. За «Афган», «Воину-интернационалисту» и «БЗ». Ну, есть еще орден, но о нем и вспоминать не хочется...

– А что не так? – спросил я, вдыхая аромат пельменей и потянувшись за вилкой. – Какое-нибудь «Кольцо в нос»?

– Ну, куда ты вилкой-то тычешь? – возмущенно гаркнул генерал. – Настоящие пельмени надо ложкой есть!

С перепугу, я схватил ложку и сунул пельменину в рот... Жжж!

– Собака худая... – выругался я, глотая раскаленную пельмешку, слёзы и окончание фразы «... господин генерал»....

– Чего ты там бормочешь? – не понял Унгерн. – Обжегся? Так не спеши, не гонят. Сметанкой заешь, легче будет...

– Спасибо, – с чувством поблагодарил я начальника, набирая сметаны. Стало полегче...

– Ну, как? – поинтересовался генерал.

– Вкусно, – сказал я, хотя от боли в обожжённом нёбе ничего не чувствовал.

– Ну, а я что говорил?! – расцвел начальник, разливая в очередной раз. – Да, про орден не досказал... Я в Анголе, специалистом по сельскому хозяйству

числился. Ну и, соответственно, награждали по линии Минсельхоза СССР. А там, не мудрствуя лукаво, представили к ордену «Боевого Красного знамени». В Президиуме Верховного Совета не поняли – какая связь между сельским хозяйством и боевыми наградами и ... слово поменяли.

– Ничего, «Трудовое Красное знамя» – тоже неплохо, – утешил я начальника. И, наконец-то, «расчухав» вкус пельменей, со всей искренностью похвалил: – Вкусно!

– Бабушка научила, – сообщил Унгерн. – Я ведь в Сибири родился.

Если у бабушки была та же фамилия, что и у внука, спрашивать, что они делали в Сибири не стоит. Я только предложил:

– Ну, за бабушку!

На тосте «За бабушку!» кончилась первая бутылка. К моему удивлению, генерал полез за второй. Раньше за ним такого не водилось! Более того, он даже не стал переливать водку в графин. Не иначе, в самом деле, решил «оттянуться» по полной программе.

Вторая бутылка «пошла» быстрее. Мой начальник развеселился, принялся рассказывать старые анекдоты про генералов и спецназовцев. Потом, разговор опять перешел на тему униформы.

– Ксюху озадачишь – пусть в ХОЗУ съездит, форму получит. Так-то сам должен брать, под роспись, но я позвоню – выдадут. А насчет «парадки», лучше самому расстараться. Телефончик портного дам. Берет много, но – он того стоит. Все генералы у него шьют!

– Так то – генералы... – с сомнением сказал я.

– Пельмени ешь! – сурово приказал отец-командир, в очередной раз, наливая рюмки и я покорно стал жевать, хотя уже и не лезло. – Не обеднеешь, с сорока тысяч.

– Чего? – от возмущения, я перестал есть. – Да за такие деньги я четыре костюма куплю!

Унгерн был непреклонен.

– Тебе по должности положено «парадку» не со склада, а от портного иметь. На торжественные и парадные выходы.

– Парадка, – хмыкнул я. Потом продекламировал: – А на груди его могучей, одна медаль висела кучей!

– Все с этого начинали, – утешил пеня генерал. – Значок вузовский прицепишь, еще что-нибудь. Хотя... Несolidно как-то, с одной-то железкой ходить. Ладно, – махнул рукой Виктор Витальевич, приняв решение. – Есть у меня медаль лишняя, к юбилею на отдел с запасом давали. И удостоверение чистое. Как чувствовал, что надо приберечь! Напомнишь, вручу! Все равно ее у тебя никто не увидит...

– Так, зачем она тогда? – не понял я хода генеральской мысли.

– Чтобы было! Прицепишь к кителю, в шкаф уберешь. Присматривай, чтобы моль не съела...

– Шуточки у вас, господин генерал, – покачал я головой.

– Почему, шуточки? – обиделся Унгерн. – Я парадный мундир один раз в год надеваю – на профессиональный праздник. Все больше в «гражданке» да в «камуфляже» бегаю. – Задумчиво поднимая бутылку, генерал обнаружил, что она пустая. – Еще будем?

– Когда это я отказывался?

– Тогда – придется в «лавку» идти...

Я решил, что за водкой придется бежать младшему по званию. Чего-чего, а бегать за «добавкой» я не любил. И, никогда не бегал, даже если очень хотелось «добавить». Может, потому до сих пор и не спился? Но генерал решил иначе. Задумчиво почесав затылок, изрек:

– Тебя отправить, так не найдешь. А найдешь – так могут и не продать. Решат, что проверка. Придется мне самому. Или, если в состоянии – пойдём вместе. Ты, как, в форме?

Чтобы под такую закуску, да быть не в форме – это надо «принять» ещё столько же! И мы стали собираться. Но генералу, конечно же, вначале понадобилось прибрать на столе, помыть посуду... (Хотел добавить – «Немец, он и в Африке немец», но не стал, чтобы не упрекнули в штампах). Ладно – немец, он по жизни аккуратист, хоть и вырос в Сибири!

– Вроде, всё, – с удовлетворением выдохнул генерал, убирая последнюю тарелку.

В «поход» за водкой генерал собирался, как на операцию. Не забыл кобуру (кабуру!) скрытого ношения, нарушая правило силовиков – «Собрался напиться – убери оружие подальше!». Делать генералу замечания у меня не повернулся язык. И, потому, я тоже нацепил свою «сбрую» с АПС, который я так и не сподобился помыть и почистить!

– Ничего не забыл? – как заботливая мамаша поинтересовался генерал, кивая на пакет с моими лохмотьями.

Я демонстративно похлопал себя по бокам и доложил:

– Все на месте.

– Тогда – держи, – вручил мне генерал пакеты с мусором. В вестибюле, уткнувшись в газетку с кроссвордом, спал «вохрочоповец». Мы понимающе переглянулись – ну, устал человек от такой работы. Будить парня не стали.

– Сейчас пакеты в «мусорку» кинем. За углом магазинчик есть. Ночью запрещено, но мне продадут! – пообещал генерал, вдыхая ночной воздух. Потом, без всякого перехода, выругался.

– Вы чего? – удивился я.

– Вон, крыса куда-то побежала, – брезгливо ответил Унгерн. – Здоровенная! Не было же у нас крыс!

– А... – равнодушно отозвался я. К крысам я никаких чувств не испытывал. – Вон «мусорка», – кивнул генерал.

Выгружая мусор в контейнер, я прикинул, что неплохо бы еще «затариться» пивом. Сейчас-то я как «стеклышко», но что будет, коли мы приголубим еще пару «пузырей»? Представив, как будет славно, когда трясущимися руками налью себе стаканчик «лекарства», волюю его в обезвоженный с похмелья рот. Потом – еще один. Ну, после третьего станет совсем хорошо...

Рядом с мусорными контейнерами стояла машина, которая даже в сумерках производила нужное впечатление – солидная и тяжелая, как броневик. Возле неё покуривал крепкий парень, похожий на свою машину. Завидев нас, затоптал окурок и вытянулся.

– Зараза ты, товарищ генерал, – прошептал я с некоторой досадой, хотя и ждал весь вечер чего-то такого.

– Сам знаю, – ответил начальник, несколько не обидевшись и, открывая заднюю дверцу, любезно сказал: – Садись майор. Сейчас кое-какое барахло из своей машины перекину, сразу и рванем...

Глава четвертая

Пикничок на обочине...

– Спишь? – поинтересовался генерал, сидевший рядом.

Приоткрыв один глаз, посмотрел на начальника. В отличие от меня, он был трезв, как стеклышко. Старая школа!

– Почти, – лаконично отозвался я.

– Леонид, когда за МКАД выедем, тормозни у какой-нибудь кафешки. Кофе будешь пить?

– Я бы водки выпил, – честно сообщил я. – Грамм сто. А лучше – двести!

– Ну, точно к наркологу отправлю, – пригрозил генерал. – Давай-ка кофе.

– Ох, товарищ генерал, – хмыкнул я. – Я вам сейчас трезвым нужен? Сами виноваты – не фиг подчиненного недопаивать. Если прикажете протрезветь, так и скажите. Прямо сейчас протрезвлею... протрезвею, то есть. Странно, я был абсолютно уверен, что коли понадобится, протрезвею мгновенно. Только, зачем же тогда было пить? А с другой-то стороны – зачем мне это вообще нужно? Пить, маяться похмельем по утрам. Может, ну его?

– С вами все ясно, – вздохнул генерал. – Придется товарища майора допаивать!

В зеркале я поймал недоуменный взгляд водителя. Чувствовалось – осуждает. Меня, за то, что наглею, а генерала – за то, что потакает каким-то майорам.

На наших дорогах много таких местечек – бензозаправка, рядом кафешка, предоставляющая услуги дальнобойщикам – перекусить-помыться – поспать на нормальной койке. На стоянке стояли две фуры, из которых доносились веселые голоса. Когда наш «броневик» затормозил, генерал вышел и приказал водителю:

– Посиди пока. Будет желание перекусить – потом и тебя отпустим.

В тамбуре «забегаловки» три двери. На первой картинка с писающим мальчиком и буквы «МЖ» (ни разу не видел картинки с писающей девочкой!), за другой, опять-таки, с мальчиком, но уже моющимся, слышался шум воды. У подоконника, переминаясь с ноги на ногу, ждала очереди девица в драных джинсах, кроссовках, в некогда белой футболке и с огромной сумкой.

«Барышне» было на вид лет тридцать. Хотя, если приглядеться, то можно догадаться, что под слоем грязи и нездоровой синевы скрывается более юная

особа. Не удивился, если бы она оказалась несовершеннолетней. Наверное, стоило поговорить с девушкой, прочитать ей лекцию, но я не стал. В лучшем случае – рассмеется в лицо, в худшем – пошлет подальше. От хорошей жизни в шлюхи не идут...

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Автор стихов – Борис Давыдов.

Купить: https://tellnovel.com/shalashov_evgeniy/zastekol-e

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)